

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ДМИТРИЙ ЕРМАКОВ
ЛАДОГА



FUTURE CORP.

Дмитрий Сергеевич Ермаков
Метро 2033. Ладога
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65319622

Метро 2033: Ладога: [фантастический роман] / Дмитрий Ермаков:

АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-123529-1

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

В петербургском метро продолжается война между Империей Веган и Приморским альянсом. Жители общины Оккервиль

вынуждены оставить свои станции и бежать во Всеволожск. Жизнь вроде бы налаживается, но вскоре им становится ясно – они попали из огня да в полымя. Честолюбивый интриган Альберт Вилков готовит заговор, и оккервильцы, среди которых неунывающий сталкер Игнат Псарев и его жена Алиса Чайка, вновь оказываются в опасности. На заснеженных берегах Ладоги разворачивается настоящая драма.

Содержание

Чтобы помнили...	6
Пролог	8
Глава 1	13
Глава 2	30
Глава 3	49
Глава 4	61
Глава 5	71
Глава 6	92
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Дмитрий Ермаков

Метро 2033. Ладога

© Д.А. Глуховский, 2017

© Ермаков Д.С., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Чтобы помнили...

Объяснительная записка

Анны Калинкиной

В постъядерном мире люди, по сути, остаются теми же. Один склонен командовать, другой – исподволь, тихой сапой подсиживать конкурентов. Третий – верить всему, что говорят, и слушаться более решительных. Это очень хорошо показывает роман «Ладога». Казалось бы, сколько можно грызться из-за власти после того, как человечеству преподнесен такой страшный урок? Но за двадцать лет выжившие приспособились к изменившимся условиям, и кому-то опять не живется спокойно.

Глазами героев читатель увидит Ладожское озеро, где когда-то пролежала Дорога жизни, по льду которого шли машины, везущие продовольствие в осажденный Ленинград. В их видениях вновь оживет драматичный эпизод прошлого – проваливающийся под лед грузовик. Напомнит им о минувших боях и монумент «Разорванное кольцо» на западном берегу озера. Он заставит призадуматься о славной истории этих мест Игната Псарева и Алису Чайку – да-да, на страницах романа вновь появляется эта колоритная парочка, знакомая уже читателям по предыдущей книге автора «Площадь Мужества». Они продолжают выяснять отношения – не так-

то просто понять друг друга двум столь разным людям. Любовь их проверяется суровыми испытаниями, и кажется, вот-вот хрупкое согласие между ними даст трещину. Вроде бы споры у них порой разгораются из-за мелочей. Но ведь из таких мелочей подчас и складывается наша жизнь.

Еще один колоритный персонаж – медсестра Жанна Негода. Женщина, на долю которой выпало немало трудностей. Тем не менее она сохранила мужество и не желает подчиняться приказам, если считает их бесчеловечными. При этом она не теряет своего обаяния. Главные герои романа обладают яркими индивидуальностями – так и кажется, что прототипами послужили реальные люди. По крайней мере, я точно знаю, что полковник Дмитрий Александрович Бодров и сталкер Дэн Воеводин по прозвищу Тигра списаны с вполне конкретных жителей портала «Вселенная Метро 2033», которых некоторые видели и воочию. И проницательные читатели, которые за серией следят с первых лет и посещали презентации, вполне могут догадаться, с кого именно. Мне нравится эта традиция – изображать в романах друзей и коллег. Она еще раз доказывает: «Вселенная Метро 2033» – сообщество единомышленников, которые вместе творят увлекательную историю мира после конца света.

Пролог

Диана Невская неслась во весь опор, с силой отталкиваясь лыжными палками. Снег шелестел и стонал под ее тщательно смазанными деревянными лыжами, накрывал их волнами, но тут же рассыпался вновь, разбиваясь о ноги в валенках. Лицо девушки горело, щеки ее алели, но кожа Дианы давно привыкла к морозу. Ветер свистел у нее в ушах, хоть лыжница и спрятала их под шапкой. Легкая, теплая меховая шуба, в каких охотникам не были страшны самые суровые холода, надежно защищала тело Дианы от сурового дыхания зимы. Из того же материала были и штаны.

Сильно отставая, следом за Дианой спешили остальные охотники. Они не смогли так долго держать высокий темп погони. Девушка преследовала теперь добычу. Дашь слабицу – и вся охота насмарку. Придется возвращаться в убежище ни с чем.

– Врешь, не уйдешь... – процедила Диана сквозь зубы.

За спиной лыжницы ждал своего часа ее любимый лук. Страшное оружие в руках опытной охотницы, что с самого рождения жила в лесу. Другие предпочитали арбалеты, но Диана осталась верна луку. Да, он требовал куда большей силы, ловкости и сноровки, зато и скорость стрельбы не шла ни в какое сравнение. Лишь одно мешало девушке проверить, достаточно ли она крута, чтобы попасть белке в глаз: в ле-

сах перевелись белки. Но хватало другой живности. На нее и вели охоту жители общины, затерявшейся среди бескрайних лесов.

Как только Диана приблизится к жертве на нужное расстояние, в цель помчатся великолепные стрелы, оперение для которых девушка делала собственноручно. А пока Диана сама летела стрелой вслед за кабаном.

Крупный вепрь мчался по просеке. Сверни секач в лес – и догнать его станет очень сложно, почти невозможно. Почему кабан не пытался уйти в чащу? Этого лыжница не знала. Раньше над такими вещами ломали головы ученые, но сейчас они перевелись.

– Пора! – сказала себе Диана, резко остановилась, бросила палки в снег. Пары мгновений хватило ей, чтобы выхватить стрелу из колчана, натянуть тетиву. Но еще меньше времени понадобилось охотнику по имени Семен, мчащемуся следом, чтобы врезаться в девушку. Та не удержалась на ногах и упала в снег, а Семен кое-как прицелился и выстрелил из арбалета. Болт угодил вепрю в ногу.

– Попал, я попал! – радостно закричал Семен.

– Да, ты попал, сука! – зарычала Диана на товарища, сорвавшего выстрел. – Я держала его на прицеле, а ты...

Но ругань лучницы вдруг перекрыл яростный рев раненого зверя. Диана развернулась и похолодела от ужаса. Болт не нанес кабану смертельной раны, зато разозлил невероятно. Истекающий кровью монстр развернулся и помчался прямо

на охотников.

Секач был страшен в своем первозданном гневе. Его огромные клыки были грозным оружием. Несмотря на глубокий, рыхлый снег и рану, кабан бежал быстро, оставляя за собой кровавый след. Несколько секунд ему хватило бы, чтобы добраться до охотников.

– О черт... – прошептал Семен.

Он начал лихорадочно перезаряжать арбалет, но пальцы не слушались, мужчина никак не мог взвести тетиву.

Диана успела быстрее. Миг – и вот уже лук в ее руках. Стрела легла на тетиву.

За спиной девушка слышала крики остальных охотников, громыхнул выстрел из ружья. Но кабан не остановился. Диана понимала, что уложить вепря ей нужно с первой попытки. На второй выстрел времени у нее не будет.

Девушка глубоко вздохнула и спустила тетиву.

Стрела пробила голову вепря между глаз, глубоко вошла в череп зверя.

– Прямо в мозг... – выдохнула Диана.

Секач пробежал по инерции еще пару шагов, а потом рухнул на снег и забился в предсмертной агонии. Копыта и клыки вспарывали снег, но для людей они были уже не страшны.

Диана опустила лук.

Только тут к кабану приблизились остальные лыжники.

– Ди, ну ты монстр! – воскликнул в восхищении Захар, командир отряда.

– Я? Я девочка-припевочка. Это он – монстр, – устало буркнула Диана, кивнув на умирающего кабана.

Захар повернулся к Семену, который стоял, понурившись, с арбалетом в руках.

– А тебя, урод криворукий, ждет карцер. – Захар подозвал двоих охотников и приказал. – Отобрать оружие. Взять под стражу.

У Семена забрали арбалет, связали руки за спиной. Провинившийся охотник не сильно сопротивлялся. Он и сам понимал, что подвел отряд.

Диана в первый момент хотела встать на защиту Семена, карцер казался ей слишком строгим наказанием. Но все же промолчала.

«По его вине мы все могли погибнуть, – подумала лучница. – Пусть накажут. Может, лучше дойдет».

Соблюдая меры предосторожности, всеволожцы окружили умирающего вепря и добили ножами. Диана в этом не участвовала. Лишать жизни издалека – это она умела. Резать ножом еще бьющееся в предсмертных конвульсиях тело – нет. Это было для девушки уже слишком.

– Я – лучница, а не мясник, – заявила Диана Невская, когда ей в первый раз предложили перерезать глотку подстреленному зверю.

– Ну, ты и чистоплюйка, – услышала девушка в ответ.

Но смеялись над ней недолго. Несколько точных выстрелов с большого расстояния – и авторитет девушки среди

охотников вновь вырос.

Вот и сейчас она наблюдала, как товарищи добивают кабана – без жалости к лесному зверю, но и без радости. Они просто делали свою работу. Лесники прорубали просеки, охотники отстреливали зверей. Каждый выполнял свою задачу. Община нуждалась в мясе и мехе. Добыть все это можно только в лесу, охотой. Диана поняла и приняла эту простую истину.

– И все-таки почему он не свернул? – спросила она Захара, когда они возвращались на базу.

– Говорят, раньше так с волками было, – отозвался командир. – Их гнали в узкие проходы из красных флажков. Вроде бы прыгнул – и все, свобода. Но хрен там плавал. Вот и тут та же фигня.

И отряд двинулся в обратный путь, унося с собой добычу. Короткий зимний день кончался. Еще один день, отвоеванный людьми у сурового холодного мира.

Глава 1

День выборов

Игната Псарева разбудил настойчивый стук в дверь. Сталкер не знал, сколько сейчас времени. В его комнате не было часов. Он знал одно: слишком рано, чтобы ломиться в жилище воина, который отсыпается после удачной охоты. И попойки. Одно обычно логично следовало за другим.

– Пошли в жопу, нет меня, – пробурчал Игнат и зарылся головой в подушку.

Рейд прошел нормально, без эксцессов. Охотники настроились в лесу много дичи. Обмывая удачную охоту в баре, сталкер выпил значительно больше, чем следовало. Расплатой за вечернее веселье стал не только тяжелый разговор с женой, Алисой (впрочем, разговором это назвать было сложно, Алиса говорила, а Игнат угрюмо молчал), но и жесткое похмелье. Со всеми вытекающими: головная боль, тошнота и отвращение ко всему вокруг.

Зная, что утром никуда спешить не надо, Игнат надеялся выспаться. Но и этой радости его лишили. В дверь продолжали барабанить.

– Ух, щас кто-то огребет, – проворчал сталкер, вылезая из-под одеяла.

Кулаки чесались еще с прошлого вечера. Врезать ко-

му-нибудь по морде Игнат был бы очень даже не прочь. Но, уже взявшись за дверную ручку, Псарев услышал:

– Избирательная комиссия. Откройте.

Только тут Игнат вспомнил, что Всеволожск давно жил в ожидании выборов председателя Совета убежища. О грядущем голосовании начали говорить еще в конце декабря прошлого года, когда жители Оккервиля только переселились в бункер промышленной зоны «Кирпичный завод». Выборы председателя проводились каждый год и являлись всеобщими. Самая настоящая демократия. Имелось лишь одно отличие от довоенных порядков: участие в выборах являлось не правом, а обязанностью.

– Вот не было печали, черти накачали... – Сталкер не имел никакого желания напрягать пульсирующую от боли голову. Но не открыть дверь перед избирательной комиссией он не имел права.

На пороге стояли трое.

Один – хмурый тип в мешковатом камуфляже, охранник из местных дуболомов. Он охранял избирательную комиссию. По случаю выборов охране выдали дефицитные АК. Псарев пару раз общался с этим солдатом. Прозвище у него было милое, даже романтическое: Лютый. Игнат кивнул Лютому, тот слегка улыбнулся краями губ.

Второй, Валентин Сбруев, невероятно напыщенный парень лет двадцати трех, официально имевший должность глашатая. Некоторые местные обычаи забавляли сталкера.

Например, слово «глашатай». Даже в метро такие названия уже давно не употребляли, а тут использовали, причем на полном серьезе.

По случаю выборов глашатай напялил длинный черный плащ. Смотрелся он в нем глупо и нелепо. Игнат смерил Сбруева презрительным взглядом. Псарев не имел желания уважать чужих шестерок.

А вот при виде третьего члена комиссии, Георгия Васильевича Ротмистрова, члена Совета, ухмылка сошла с лица подгулявшего сталкера. Этому солидному мужчине было хорошо за пятьдесят. По меркам нового мира – почти старик. Но выправка у «старика» была образцовая, на зависть многим юнцам, а седые волосы лишь придавали гостю величественный вид. Георгий Васильевич напоминал пожилого льва, постаревшего, но не потерявшего хватку.

Члены Совета пользовались среди жителей бункера огромным уважением. Игнат тоже относился к Совету с почтением. Люди, способные наладить почти безупречное хозяйство на руинах старого мира, того заслуживали. Но дело было не только в этом. Совет единогласно решил приютить скитальцев из метро, лишившихся дома. Могли ли руководители Всеволожска послать незваных гостей куда подальше? Могли. Но не сделали этого.

В избирательной комиссии члены Совета выполняли функцию контролеров. Следили, чтобы голосование проходило честно. Возможно, это даже работало.

– В общине проходят выборы председателя Совета, – глашатай тараторил заученную фразу таким скучным тоном, что Игнат не выдержал и зевнул.

– Ну, – отозвался сталкер.

– Вы, как гражданин общины, обязаны проголосовать, – Валентин прожег Игната полным злости взглядом, но сдержался, не отвлекся от официальной процедуры.

– Огласите весь список, пожалуйста, – ответил Пес фразой из фильма про приключения Шурика, чем вызвал одобрительную усмешку у Георгия Васильевича.

Конечно, Игнат знал, кто борется за право стать очередным председателем. Их имена огласили еще неделю назад. Но сталкеру хотелось, чтобы Валентин помучился с ним подольше. Раз уж Пса подняли с постели, так легко комиссия от него не уйдет.

Сбруев закусил губу, бросил исподлобья хмурый взгляд на сталкера. «Ты, козел, мы так до ночи провозимся», – читалось на его лице. Но делать нечего, Валентин принялся перечислять фамилии.

Главным претендентом на пост главы общины являлся действующий председатель, Роман Анатольевич Звягинцев. Он переизбирался уже два раза и казался почти идеальным кандидатом на это место. Бункер под руководством Романа Анатольевича жил спокойно, все системы функционировали, никто не голодал. Звягинцеву было пятьдесят пять – возраст весьма почтенный. Но председатель производил впечат-

ление человека с железным здоровьем, да и со своими обязанностями он справлялся прекрасно.

Правда, после появления оккеров населению убежища пришлось потесниться, чему, конечно, не все обрадовались. К тому же Звягинцев в своей предвыборной речи к гражданам озвучил проблему ограничения жизненных ресурсов в общине. Он честно признался, что с первого числа следующего месяца паек будет сокращен на десять процентов для всех, кроме сталкеров, охотников и тех, от кого зависит жизнь всех граждан. Роман Анатольевич выразил надежду на понимание и пообещал решить возникшую проблему в кратчайшие сроки. И когда народ загудел и стал в открытую требовать изгнания из общины новичков, действующий председатель уверил недовольных, что пользы от прибывших, привыкших к труду и лишениям, для общины больше, чем вреда. На том он и раскланялся.

Будь председатель чуть хитрее, он бы не стал на пороге выборов так прямо заявлять об этой проблеме. Но честность Звягинцева как человека взяла верх над находчивостью политика. Он посчитал, что не имеет права до выборов обещать всем «жратву от пуза», а сразу после выборов советовать «затянуть пояса потуже». К тому же председатель был уверен в доверии граждан.

На фоне этих событий, как грибы в тоннелях после наводнения, стали появляться другие кандидаты. Целых пять человек. Имена большинства из них Игнату ничего не гово-

рили. Кроме разве что одного. Альберт Евгеньевич Вилков был заместителем начальника службы безопасности. Игнат пару раз видел его – лицо того сразу не понравилось Псареву. Немного вытянутое, с длинным носом и жиденькими усами, глаза слегка выпучены... Вылитый Мышиный король из сказки «Щелкунчик». Не хватало только еще двух голов.

Вилков совсем иначе построил свою предвыборную речь. Он обещал немедленно после своего избрания в председатели улучшить жизнь общины. Он так преподнес свою программу, что никто толком ничего не понял, но у большинства появилась надежда на сытую жизнь при легкой работе.

Игнат не был доверчивым простаком, и посулы заместителя начальника службы безопасности не произвели на него никакого впечатления. Вот и теперь, прослушав перечень фамилий кандидатов краем уха, он назвал первую попавшуюся. Вилков вполне мог оттянуть у главного кандидата хотя бы часть голосов, поэтому помогать ему сталкер не хотел. А отдавать голос за Звягинцева ему показалось слишком скучным.

Глашатай обмусолил карандаш и старательно поставил жирную галочку напротив выбранной Игнатом фамилии. Процедура была простой. На листе бумаги были написаны фамилии шести кандидатов. Напротив каждой стояли галочки. Рядом с фамилией «Звягинцев» их было больше. И немудрено – большая часть населения общины не хотела резких перемен.

Таких комиссий по бункеру ходило несколько. Пять или шесть, Пес точно не помнил. Каждая отвечала за свой участок. Система выглядела разумной и удобной. По крайней мере, в условиях тесного подземелья, где люди в буквальном смысле толкались локтями. К тому же большинство работников не отрывались от производства.

С видимым облегчением Сбруев произнес заученную фразу:

– Спасибо, что исполнили ваш гражданский долг.

Но смотрел он на нахального сталкера, отобравшего столько времени, без тени симпатии.

– Угу. – Игнат устало изобразил подобие улыбки, кивнул на прощание Лютому и с блаженным вздохом поплелся обратно на кровать. По пути он налетел на туалетное ведро, едва не расплескав содержимое.

Теперь можно было отдохнуть. И подумать.

С момента переселения во Всеволожск, которое Игнат с мрачной иронией называл «Исходом», прошел месяц. Большинство оккеров обжились на новом месте, привыкли к порядкам, царившим в их новом доме. Все старые знакомые в один голос уверяли Псарева, что им здесь очень нравится. Но говорили они это с затаенной болью. Все без исключения тосковали о родных станциях метро. Игнат выделялся на общем фоне разве что одним: он свою тоску и не думал скрывать. И старательно заливал местной брагой. Помогало, правда, мало.

Пес пристрастился к спиртному еще в метро. Война, бушующая в подземке, отняла у Игната многое, очень многое. Пропали без вести лучшие друзья – Борис Молотов и Кирилл Суховой. В бою с веганцами героически погибла Соня Бойцова, которую он любил как родную сестру. Потеря друзей стала тяжким ударом, справиться с которым Псарев долго не мог. А как только начал приходить в себя, обрушились новые напасти. Ранение в бою с веганцами, после которого даже сейчас, спустя четыре недели, Игнат все еще не вполне владел правой рукой, из-за чего сильно страдал. Унизительное перемирие, которое Оккервиль заключил с Империей Веган. Потом переселение из метро во Всеволожск. Сталкер Псарев был одним из тех, кто считал перемирие проявлением трусости.

Игнат ненавидел бункер «Кирпичного завода». Его начало тошнить от этого места с первой же минуты. И до сих пор Псарев так и не изменил своего отношения к новому дому.

В бункере было тесно, душно и неудобно. Освещение горело тускло в целях экономии. Поэтому в темных коридорах сталкер постоянно обо что-то стучался – то локтем, то головой, то плечом. Здесь обитало почти четыреста человек. Много. Очень много. Настоящий человеческий муравейник. Перегородки между жилыми помещениями были сделаны кое-как и от шума не спасали. Игнату и Алисе еще повезло, что им досталась отдельная комнатуха. Ее друзьям любезно уступила Диана Невская. Маленькое помещение два на

три метра, где стояли кровать и небольшой стол – и все. Но и такое жилье считалось тут большой удачей. Многие вынуждены были обитать в общих комнатах с двухъярусными нарами, похожих на тюремные камеры.

Жизнь в Севе, так по-простому называли свой дом местные, состояла из ежедневного тяжелого труда. Никаких праздников и отпусков. Пять-шесть дней в неделю люди впахивали – кто в оранжерее, кто на ферме, кто у станка, и один-два дня – отсыпались. Игнату повезло и тут. Сталкера с многолетним опытом сразу по прибытии зачислили в местный отряд охотников. Не помешало даже ранение. Вылазки в лес случались не так уж часто, раза три в неделю. Еще проводились тренировки и шло обучение подрастающего поколения. Но времени все это занимало не так уж много. Алиса в госпитале трудилась раза в два больше.

Псарев мог бы благодарить судьбу. Вместо этого он каждую неделю погружался все глубже в пучину уныния.

У них с Алисой имелась проблема, о которой не знал никто, кроме Дианы, лучшей подруги его жены.

Каждый раз, когда они оказывались вместе в постели, близости что-то мешало. То у Алисы болела голова, то Пса тошнило. Иногда он приходил без сил, падал и засыпал. Иногда в таком же состоянии приходила с дежурства она. Потом у Алисы начинались «эти дни», а у Игната – запой. Трудно было разобраться, чья тут вина, но факт оставался фактом. Уже три недели Пес жил без секса. Эта проблема начинала его

серьезно злить.

Ситуация в медпункте в самом деле была напряженной. Из метро доставили три десятка искалеченных солдат. Они требовали постоянного ухода, медики бункера работали круглые сутки. Все это Игнат понимал. Но он был мужчиной, и терпение его подходило к концу.

– Мать-перемать, я хочу тебя, дура! – взорвался Псарев, когда Алиса в очередной раз притащилась с дежурства еле живая от усталости.

Та лишь буркнула в ответ что-то неразборчивое, а когда Игнат попробовал получить свое силой, вырвалась и ушла спать к Диане Невской.

Семейная жизнь сталкера и Алисы Чайки трещала по швам.

Во время очередной попойки Игната попытался урезонить Денис Воеводин. Дэн тоже служил в Севе сталкером, но чувствовал себя на новом месте превосходно.

– Не пойму я, Пес, че тебя не устраивает. – Он мрачно смотрел, как Пес опустошает кружку за кружкой. – Жена – красавица. Своя хата. Все чики-пуки!

– Че, Алиска подослала?

– Нет, – ответил Дэн не очень уверенно, и Игнат понял, что его догадка верна. – Просто не врубаюсь. Все счастливы, что убрались из этого сраного метро подальше, а ты...

Сталкер не стал говорить с Воеводиным. Зачем посторонним людям знать, что его гложет? Так ничего от него и не

добившись, Денис ушел. Но перед уходом мрачно процедил:
– Не обижай Алису. Она – хорошая баба.

Псарев издал неопределенный звук и отвернулся.

Зато в тот вечер он с интересом прислушивался к разговору за соседним столиком. Там собралась разношерстная компания: инженеры, механики, двое военных. Всеволожцы пили брагу и бурно спорили, скоро ли в их убежище введут многоженство.

– Нет, вот вы скажите. Вот скажите мне. Почему, блин, две жены – нельзя? – горячился один. – Кто это придумал? Кто сказал?! У одной голова болит – не беда, есть кем замечать.

– А по хлебалу от обеих баб не хошь? – зло смеялся второй.

– Ах ты, сволочь, ты ее больше любишь! – голосил третий, подражая разгневанной женщине.

– Многоженство если и введут, то не для нашего веселья, – рассуждал лысый слесарь в затертой спецовке, самый здравомыслящий в этой компании. – Просто мужикидохнут. Куда баб девать? Дети сиротами растут. А так будет папка, хоть и не родной...

Игнат не стал встревать в разговор, но в мыслях возвращался к идее многоженства снова и снова.

Острый дефицит мужчин, имевший место в метро, ощущался и здесь. Мужчины чаще гибли на поверхности. Трудились на вредном, опасном производстве, устраняли полом-

ки, протечки и другие аварии. И умирали – не массово, но стабильно. И гораздо быстрее, чем вырастали новые. Появление в бункере беглецов из Оккервиля ситуацию изменило, но не сильно. Израненными, покрытыми шрамами, безрукими и безногими покидали станции Правобережной линии ее героические защитники. Им еще повезло. Почти половина боееспособного населения полегла в бою с веганскими штурмовиками.

Идея многоженства всерьез заинтересовала Игната.

– Если можно будет взять вторую жену, кроме Алиски, кого бы ты взял, парень? – спросил сам себя сталкер и крепко задумался.

Вариантов было много. Одиноких женщин, потерявших мужей, в общине имелось с избытком. Кто-то с детьми, кто-то без. У кого-то дети уже выросли. В последнее время Игнат начал с интересом наблюдать за медсестрой Жанной Негодой, которая работала вместе с Алисой в медпункте.

Жанна была дамой видной. Здоровой. Одинокой, что важно. С деторождением проблем у Негоды не было, она родила двоих сыновей. Сейчас они основное время проводили с бабушкой, так как мать сутками пропадала на работе. Как ни посмотри, медсестра выглядела идеальной кандидатурой. Загвоздка состояла в том, что многоженство пока никто официально вводить не собирался. А изменять Алисе в открытую Игнат пока не решался. Тем более что Жанна и его жена работали вместе.

Но не думать о медсестре он не мог. Покладистая, молчаливая, она казалась Псареву улучшенной версией Алисы. Только без функции «выносить мужику мозг».

Наконец Псареву надоело валяться без дела, и он решил поесть. Организм давно и настойчиво намекал, что пора бы восполнить запас питательных веществ. Иначе говоря, пожрать. Рагу, стоявшее на столе, остыло, но пахло все равно аппетитно.

– Если б я был султан, я б имел трех жен... – напевал про себя Игнат, принимаясь за еду. – Можно и двух. Алису и Жанну.

В этот момент в комнату ворвалась его жена.

Грозно сверкая глазами, она подбежала к Псу и отвесила ему пощечину.

– Если бы я была султанша, – передразнила его Алиса, – я бы такого мужа давно выгнала.

– Слушай, я не это имел в виду. – Игнат попытался уладить возникшее недопонимание. – Это я так, философствовал.

– Вона как! Философ... – Женщина желчно рассмеялась. – Уже гарем запланировал. Может, дворец для начала построишь, султан?

Она резко развернулась и выбежала в коридор.

– Эй! Куда? – ринулся за ней Игнат, но запнулся и плюхнулся обратно на стул.

Шаги Чайки удалялись в направлении медпункта.

Пес сполз со стула на пол. Щека горела. Но сильнее, чем боль от пощечины, был жгучий стыд. Его, крутого сталкера, унизила собственная жена. И это наверняка слышали все соседи. Такого позора ему еще не доводилось испытывать.

«Да-а... Вовремя же я решил запеть эту дурацкую песню», – пронеслось в голове.

– Так жить нельзя, – повторял он, нетвердой походкой направляясь в местный бар с забавным названием «Сытый Сева». Логотипом заведения служил криво, но с душой нарисованный толстяк.

Как раз в это время по громкой связи объявили, что с небольшим перевесом председателем Совета вновь избран Роман Анатольевич Звягинцев. Вилков недобрал до победы всего четыре с половиной процента. Остальные кандидаты набрали совсем мало голосов, что было неудивительно.

По случаю подведения итогов выборов в баре шла попойка. Жители бункера вполне искренне радовались победе «крепкого хозяйственника и настоящего мужика». Над другими кандидатами открыто подтрунивали. Брага лилась рекой.

– Может, хотя бы сейчас не будем напиваться? – обратился сталкер сам к себе.

Нужно было что-то радикально менять. Это Игнат решил твердо. Но для начала в лучших традициях своей прежней жизни Псарев напился в хлам. Напившись, он сначала провозгласил тост «за сменяемость, ик, власти», потом громко

и фальшиво запел песню про стюардессу Жанну, а в финале своего выступления уснул прямо тут же, за столиком.

Посетители заведения удивленно косились на спящего сталкера. Кто-то качал головой. Мол, совсем мужик берега потерял. Кто-то сочувственно вздыхал.

Со стены на Игната с саркастической ухмылкой взирал сытый Сева...

* * *

Алиса Чайка стремительно вошла в медицинский кабинет и закрыла за собой дверь.

Ее коллега, Жанна Негода, посмотрела на девушку с удивлением. Обычно Алиса сразу, как только Жанна ее меняла, уходила домой, к мужу. Но сегодня, не успев уйти, тут же вернулась.

Женщина прерывисто дышала, а сердце ее стучало так громко, что слышно было на расстоянии трех метров. Негода вскочила на ноги и попыталась обнять подругу, но та холодно отстранилась.

– Алис, ты че? – Жанна терялась в догадках, что могло случиться с Чайкой всего за десять минут.

Та не ответила. Внимательно оглядела коллегу с ног до головы. Остановила взгляд на груди, бедрах. Отметила, что большие карие глаза Жанны смотрятся эффектно и притягательно, а короткая стрижка идет ей даже больше, чем самой

Алисе.

– Значит, «если б я был султан»... – едва шевеля губами, произнесла Чайка. Жанна не расслышала эту реплику.

– Слушай сюда. Держись-ка ты от него подальше, – произнесла Алиса уже в полный голос.

– Ты че? – Удивление Жанны было вполне искренним. – От кого держаться подальше? У меня вроде нет врагов.

– Ой, вот только не делай вид, что Игнат тебе безразличен, – криво усмехнулась Чайка. – Мне все известно.

– Ах, тебе все известно? Тогда помоги кроссворд разгадать, – вернула Негода подруге шпильку.

– Какой кроссворд?! – Та заводилась все сильнее.

– Обычный. Какие кроссворды бывают, – отвечала Жанна невозмутимо. – У нас тут их много сохранилось...

– От Игната держись подальше! – вскричала Алиса. – А то ты не знала, что он на тебя пялится?

Негода, конечно, уже поняла, в чем причина столь стремительного возвращения коллеги, просто не подавала вида. Конечно же она давно обратила внимание, что сталкер Игнат Псарев засматривается на нее. Женщина тяжело вздохнула и буркнула устало:

– Мне все равно. Пусть делает, че хочет.

– Зато мне не все равно! – крикнула Алиса и замахнулась кулаком. Но ударить не успела. Жанна ловко перехватила ее руку и заломила так, что Чайка взвыла от боли.

– Ты руки-то не распускай, – зашипела Негода. – Ничего

у меня с твоим Игнатом не было. Поняла? А если он на мою попу залипает, то это его проблемы, не мои.

Она отпустила Алису и ушла, громко хлопнув дверью. Та, словно в полусне, нащупала кушетку и села.

Несколько минут женщина сидела на врачебной кушетке, растирая руку после болевого приема. Потом с трудом встала и поплелась по коридору, сама не зная, куда и зачем она идет.

– До чего я докатилась! За мужика в драку полезла. Вот стыдоба! – И, вздохнув, прошептала: – Только не домой, только не домой.

Глава 2

Периметр

О пьяных загулах сталкера Псарева майор Степан Петрович Завойко знал давно. Но смотрел на это сквозь пальцы. Сталкеры в общине были на особом счету, а Игнат к тому же имел огромный опыт, да и полковник Бодров за него всегда вступался. Мол, тяжело мужику, все дела.

Дмитрий Александрович Бодров, некогда командовавший всеми вооруженными силами альянса Оккервиль, в бункере никаких официальных постов не занимал. Просто жил, как все оккеры, разве что комнату ему дали просторную, целых десять квадратных метров. Но если руководству бункера требовалась консультация относительно ситуации в метро Петербурга, без лишних раздумий посылали за Бодровым. Таким же было положение Василия Стасова, еще одного лидера Оккервиля. В Совет общины Стасов официально не входил, числился консультантом.

На последнем перед выборами заседании Совета майор Завойко предложил отправить армию Всеволожска в метро, чтобы помочь Приморскому Альянсу одолеть Империю Веган. Но его зам, Альберт Вилков, выступил категорически против. Полковник Бодров к идее тоже отнесся без энтузиазма.

– Вы хотите потерять всех мужиков? – так начал он свое выступление, когда ему дали слово. – Чтоб в Севе одни вдовы остались? Веганцы перебьют ваших парней и даже не почешутся. Решать вам. Но я против.

Возразить полковнику оказалось сложно. Но начальник службы безопасности боялся, что рано или поздно военная машина, которая сейчас подминала под себя метрополитен, доберется и сюда. А значит, врага разумнее было бить у него в берлоге.

Последнее слово оставалось за председателем. Но тот дипломатично отложил решение вопроса на потом.

– Выберем нового председателя, а там будет видно, – произнес Звягинцев.

На этом совещание кончилось.

К себе в кабинет майор Завойко возвращался злой и подавленный. Он затаил обиду на своего зама – за то, что не поддержал. На Бодрова – за то, что практически похоронил идею с экспедицией. На председателя, который не хуже других понимал, кого выберет народ, но тянул с окончательным решением.

В таком состоянии пребывал начальник службы безопасности, когда ему сообщили, что Игнат сначала побил свою жену, а потом снова напился в баре и в пьяном виде нес какую-то околесицу. И терпение майора лопнуло.

– Ну, ты у меня получишь, дебошир хренов, – с этими словами Степан Петрович Завойко вызвал адъютанта и отдал

распоряжение относительно Псарева.

Позже выяснилось, что не сталкер побил жену, а скорее наоборот. Да и Алиса оказалась далеко не ангелом. Сразу после семейной сцены она едва не подралась с коллегой по работе, Жанной Негодой.

Но майор не стал менять своего решения.

– Если мужика побила баба, тем более такого мужика нужно наказать. Чтоб не позорил сильный пол, – рассуждая так, Степан Петрович опять вызвал адъютанта.

– Что там наш дебошир? – осведомился он.

– Все сделано! – отрапортовал тот.

– Очень хорошо. И медсестричку эту туда же отправьте.

– Которую? Чайку? – уточнил адъютант.

– Нет, вторую. Негоду. А Чайку на неделю лишить права заниматься трудовой деятельностью. И поместить под домашний арест. Все ясно? Ступай. Да, и чайку мне сделай.

Адъютант понимающе ухмыльнулся и умчался выполнять приказ.

* * *

Промышленная зона, под которой находился бункер, имела мощную систему обороны. Последние годы из метро и со стороны области в окрестности Всеволожска все чаще стали захаживать банды головорезов. А может быть, разведывательные отряды крупных общин, искавшие, где бы пожи-

виться. Эту опасность предусмотрели заранее и создали разветвленную систему наблюдательных пунктов и огневых точек.

На то, чтобы обнести всю территорию сплошной стеной, не хватало ни сил, ни средств. Но руководство бункера решило пойти другим путем. Создать для потенциального противника видимость наличия брешей в обороне. Установить в этих брешах самые мощные узлы сопротивления. Тщательно замаскировать. Обычно все происходило по одному и тому же сценарию. Нападающие преодолевали первый периметр и тут же попадали под сосредоточенный огонь сразу нескольких ДОТов. Причем стрельба велась из пулеметов разного калибра, а еще подключались кустарные огнеметы. Боеприпасы были в дефиците, охотникам и охране обычно выдавали ружья и арбалеты. Но на то, чтобы покрошить в труху очередную шайку грабителей, патроны всегда находились. Забор между вышками установили, но он предназначался для защиты от зверей. Люди при сильном желании могли через него перелезть.

Даже если бы враг прорвал периметр, ему досталось бы лишь несколько полуразвалившихся складов. Почти вся инфраструктура убежища находилась под землей. Входы туда наглухо закрывались, чтобы взорвать люки, требовалась взрывчатка. Гарнизон мог нанести контрудар из любого выхода, включая секретные, внешне никак не обозначенные. Впрочем, до этого еще ни разу не доходило.

Важнейшую роль во всей этой системе играли четыре наблюдательных пункта, расположенных по краям периметра. На огневых точках постоянно никто не дежурил, группы быстрого реагирования выдвигались туда, лишь получив сигнал от наблюдателей. На этих четырех пунктах всегда находились солдаты общины, дежурившие посменно. Одна вахта длилась три часа. Считалось, что дольше человеку на поверхности находиться не стоит. Пост представлял собой небольшую вышку, сделанную из дерева и железа. Там имелись сигнальные приспособления, оружие и фонари, чтобы освещать окрестности по ночам. Ночные смены считались самыми сложными. Во тьме, под заунывный вой ветра, легко было задремать. Но именно по ночам враги обычно тревожили периметр...

Сталкеров крайне редко привлекали к дежурству на периметре, но иногда случалось и такое. Если не хватало людей. Или если кто-то из сталкеров грубо нарушал законы общины... Именно так на третьем посту, который располагался у самого края густого леса, со стороны железной дороги, и оказался Игнат Псарев.

* * *

Игнату не хватило всего богатого набора нецензурных слов, чтобы описать свое состояние, когда его, едва пришедшего в себя после обильных возлияний, выволокли из бара

дюжие охранники и повели куда-то по коридору.

Сталкер рычал и метался, сыпал проклятиями и обещал бугаям, что лично оторвет им яйца. Но те никак не реагировали. И держали Псарева крепко. Чем дальше тащили Игната, тем холоднее становилось вокруг, и тем тревожнее становилось на душе у сталкера. Скоро не осталось сомнений: его ведут на улицу. Зачем? С какой целью?

Игнат слышал, что время от времени практиковалось изгнание из общины. Так карались тяжкие преступления. Не требовалось тратить патроны или яд, чтобы казнить нарушителя. Достаточно было вытолкать его за периметр без оружия и не пускать назад. Несчастный был обречен.

– Че?! Меня? Изгнать? Че я такого натворил? – Пес заметался в лапах охранников с удвоенной силой.

И тут его отпустили. Игнат увидел перед собой комплект теплой одежды для дежурства на наблюдательной вышке. По спине сталкера заструился холодный пот, его прошиб озноб, и это при том, что в помещении было сравнительно тепло.

– Меня? На вышку? – Игнат до последнего надеялся, что это просто ошибка или шутка. – А если не пойду?

– Тогда в карцер, – отозвался один из охранников.

Камера одиночного заключения в Севе слыла мрачным местом. Темный каменный мешок без окон и мебели, где человек терял всякое представление о времени и тихо сходил с ума. Псареву пока не доводилось там бывать, но он беседовал с людьми, попадавшими в карцер. От их историй стано-

вилось не по себе.

– Лучше уж вышка, чем карцер, – проворчал сталкер, надел шубу, теплые штаны, меховую шапку, валенки. Потом взял ружье и поплелся на пост.

Впереди ожидала трехчасовая смена. Самая жесткая из всех. С одиннадцати вечера до двух ночи.

С неба неторопливо опускались редкие снежинки. Было тихо и морозно. Не лютая стужа, столбик термометра не опускался ниже минус двадцати, но для трехчасового дежурства и этого было достаточно. После вахты постовых отпаивали горячим чаем. Об этом чае и мечтал сейчас Игнат, хотя он только вышел на поверхность. Мечты о дымящейся кружке бодрящего напитка помогали Псареву отвлечься от прочих мыслей, в основном мрачных.

Территория огромной промзоны была темна и пустынна, тут и там высились сугробы. Небольшие дорожки, протоптанные постовыми, пересекали огороженное пространство вдоль и поперек. А дальше лежала снежная целина. Снег не убирали, да этого и не требовалось. Все служебные и жилые помещения все равно располагались под землей.

На вышке Игнат застал двоих местных парней. Он пару раз пил с ними вместе. Имен не запомнил, только клички: Жбан и Горыныч. Оба крепко замерзли на посту и были несказанно рады смене.

– Вот и тебя, сталкер, на вышку послали. – Жбан дружески похлопал Пса по плечу.

– Видать, совсем с мужиками беда, – подхватил Горыныч.

Игнат не ответил. Говорить не хотелось. Даже подходящие ругательства не шли на ум. Сталкер с тоской оглядел крохотную площадку вышки – не больше двух квадратных метров. Вот прожектор. Вот сирена, с помощью которой подавался сигнал тревоги. Все тяжелое вооружение размещалось в ДО-Тах. Он мог рассчитывать только на свое ружье. Еще имелся запас осветительных ракет.

Жбан и Горыныч ушли. Игнат остался один. Поглядев минут пять в темноту, сталкер зевнул и устало сполз на пол.

– Три часа стоять... Хрена лысого. Может, хоть посплю.

Спать на посту, конечно, запрещалось. Особенно если ты дежурил без напарника. Время от времени постовые на четырех вышках подавали друг другу сигналы фонарем. Но Игнату было все равно. Захотят наказать – пусть наказывают.

Вдруг раздались шаги. Скрипнула лестница, ведущая на вышку. Кто-то еще поднимался на пост.

«Ну, хоть додумались напарника прислать», – Пес слегка оживился. Все-таки дежурить вдвоем – совсем другое дело. Можно поболтать, можно вздремнуть, пока товарищ бодрствует.

На вышку поднимался человек среднего роста, одетый, как и Игнат, в шубу, валенки и меховую шапку. За спиной напарника висел арбалет. Лицо сталкер сначала не разглядел, его скрывала шапка-ушанка, да и видно в полутьме было плохо.

– Здарова, мужик, – обратился Пес к товарищу по несчастью, – садись рядом, вместе будем мерзнуть.

– Здарова, – раздался в ответ очень знакомый голос. – Только я не мужик.

Напарник слегка приподнял козырек ушанки...

И Игнат в голос выругался.

Перед ним стояла Жанна Негода.

– Вот это поворот... – произнес сталкер.

Жанна, видимо, тоже только сейчас поняла, кто перед ней. И без лишних слов влепила Псу пощечину – не такую сильную, как Алиса, но все равно ощутимую.

– Грабли убери, – зарычал сталкер. – У меня от этих пощечин скоро на щеках живого места не останется.

– Мне из-за тебя, козла, тоже досталось, – отвечала медсестра. – Алиса чуть лицо не разбила.

– Я не виноват, что она дура ревнивая! – зарычал в ответ Пес. – И вообще, чуть-чуть не считается.

Потом он немного помолчал, дал эмоциям улечься и спросил уже без прежней злости:

– Тебя-то за что сюда послали?

– Не хватает рук, наверное. Или глаз. Все медики имеют военную подготовку, – отозвалась Жанна. Натянула шапку, завязала «уши» под подбородком и встала с другой стороны вышки, спиной к Игнату.

Сталкер, ворча себе под нос, тоже поднялся на ноги. Сидеть, когда женщина стоит, было бы уж совсем не по-мужски.

Минут десять они молчали. Наконец, Игнат понял, что еще немного – и он заснет. Глаза упорно слипались, хоть он и тер их варежками. Даже прыжки на месте не помогали, не приносили ожидаемой встряски.

– Много еще увечных в медпункте лежит? – поинтересовался сталкер.

Жанна долгое время молчала. Но когда Псарев уже отчаялся услышать ответ, медсестра произнесла неохотно:

– Пять человек, самых тяжелых. Остальных выписали уже.

– А Дима? Самохвалов. Который с осколочным. – События, выпавшие на конец 2033 года, превратили Диму из постороннего человека в верного друга Алисы и Игната. О его судьбе они беспокоились сильнее всего.

– Выписали Диму. – Негода снова надолго замолчала, а потом добавила с теплотой: – К нему мама с папой приходили. И еще девушка, Света. Так трогательно о нем заботилась. Они – красивая пара.

– Ну-ну. Про нас с Алиской тоже все говорят, что мы – красивая пара... А мы только ругаемся. И не трахаемся уже хрен знает сколько. – Игнат произнес все это очень тихо, почти шепотом. Но Жанна, как ни странно, его слышала. Возможно, до ее слуха долетели лишь отдельные слова. Но смысл фразы женщина поняла.

Она резко повернулась, пристально посмотрела на Псарева. Потом шагнула и оказалась рядом.

– Это многое объясняет, – произнесла медсестра после очередной длинной паузы. – Спермотоксикоз – штука страшная.

– Ты прости, если че. – Игнат попытался сгладить возникшую неловкость. – Но у нас все совсем плохо стало. А ты красивая, вот я и...

– Ничего. Я понимаю.

Жанна не сказала ничего особенного, даже не прикоснулась к напарнику. Но у сталкера вдруг стало спокойно на душе. Медицинский термин, употребленный женщиной, снял возникшую неловкость. Игнат понял, что с Жанной можно обсуждать щекотливые моменты без лишних недомолвок.

Они молча стояли рядом и внимательно смотрели на сплошную стену леса, окружавшую периметр. В лесную чащу отваживались ходить только группы охотников. Одиночек там ждала неминуемая смерть. Провалишься в бурелом, защемит ногу – и станешь легкой добычей для хищных зверей. А их расплодилось за последние годы немало. Рабочие поддерживали лишь пару просек да следили за сохранностью железнодорожного полотна. От этого зависела жизнь бункера. Дальше лесорубы не совались.

Пес время от времени включал прожектор, и луч света скользил по опушке леса, освещая пространство между периметром и чащей. Потом прожектор на какое-то время отключали. Считалось, что этого достаточно. Бесперывная работа прожектора требовала слишком большого расхода

электроэнергии.

— Расскажи о себе. — К исходу второго часа дежурства Игнат устал от тишины, да и шанс побеседовать с Жанной с глазу на глаз не хотелось упускать. — Я слышал о тебе кое-что. Что у тебя было, типа, двое мужей. Но оба того, погибли.

— Так и есть. — Женщина тяжело вздохнула, утерла набежавшую слезу и начала длинный, невеселый рассказ.

Она говорила о том, как с интервалом в год ушли из жизни оба ее супруга, как она ставила на ноги сыновей, Гришу и Борю, как каждый день, год за годом, боролась с нищетой, искала любую возможность заработать на лишний кусок, лечила бесконечные болячки детей. Сталкер с интересом слушал, продолжая время от времени включать прожектор, но на лес посматривал лишь краем глаза.

А вот Жанна проявила большую бдительность. Именно она заметила, как из чащи на мгновение показалась человеческая фигура. Прожектор скользнул дальше, женщина успела разглядеть лишь смутный силуэт.

— Там! — выдохнула Негода, протянув руку в ту сторону, где только что стоял человек. — Быстрее, свет.

Игнат перевел луч прожектора туда, куда указала медсестра. Но там уже никого не было.

— Что ты видела? — От прежнего полусонного состояния сталкера не осталось и следа. Он сбросил с себя липкие оковы дремоты.

— Кто-то стоял... — Жанна уже сама начала сомневаться.

ся, не почудилось ли ей. Ветки деревьев, покрытые снегом, часто напоминали людей в меховых шапках, спутать было несложно.

Никого из своих в этот поздний час в лесу быть не могло. Все охотники, лесорубы и прочие рабочие из бункера вернулись обратно засветло. Теперь из леса могли пожаловать только чужие.

Не заметив ничего подозрительного, Псарев повернул прожектор. На соседней вышке номер два заметили странное оживление на третьем посту. Замигал сигнальный фонарь.

«Что случилось?» — означала комбинация сигналов.

Жанна сигналов не знала. Пришлось Игнату доверить ей прожектор, а самому взять фонарь и передать:

«Будьте начеку».

Еще минут десять дозорные с возрастающим волнением вглядывались в темную массу древесных веток. И вот уже Псарев зафиксировал движение. Резко качнулась ветка, и с нее обрушилась снежная шапка. Это мог быть и зверь, и даже птица. Но внутреннее чутье, которое сталкер называл «чуйкой», упорно било тревогу. А чуйке своей сталкер привык доверять.

Нервы Игната были напряжены до предела. Он взялся за ружье, чтобы пальнуть в чашу и вынудить неизвестного врага выдать себя.

В этот момент раздался леденящий душу свист, и стрела воткнулась в стену вышки в сантиметре от головы Пса.

Больше тянуть сталкер не стал. Он схватил сирену и включил на полную мощность сигнал тревоги. Тут же на всех вышках заработали прожектора, заметались постовые. Грохнул отдаленный выстрел.

– Началось, вот оно... Страшно и весело. – Игнат выключил прожектор, взял на изготовку ружье.

В самые напряженные минуты жизни Псарев принимался сыпать цитатами из фильмов, книг и анекдотов.

– Че? Весело?! Тебе весело? Ты совсем ку-ку? – Женщина с удивлением посмотрела на сталкера. Тот лишь отмахнулся. Так, мол, на ум пришло.

И тут, в самом деле, началось.

Лес, до этого момента казавшийся безжизненным и пустым, весь пришел в движение. Тут и там трещали сучья, падали огромные пласты снега. Свистели в воздухе стрелы и арбалетные болты. Несколько стрел вонзилось в вышку номер три, где засели Жанна и Игнат. И вот из чащи показались пять человек на лыжах. У всех в руках были топоры и ножи. Вынырнув из-под полога леса, нападающие тут же устремились в сторону периметра, стремясь как можно скорее преодолеть расстояние до забора. Глубокие сугробы затрудняли их движения, даже несмотря на наличие лыж, поэтому Псареву не составило труда подстрелить из ружья сначала одного, потом другого. Еще двоих сняла Негода меткими выстрелами из арбалета.

– Молодец, ты крутая, – кивнул напарнице Игнат.

Краем глаза он заметил, что несколько таких же небольших отрядов устремилось к границам промзоны с других сторон. Отовсюду слышались выстрелы. Палили не только с вышек. У нападавших, как вскоре стало ясно, тоже имелись огнестрелы.

Но охранники на вышках находились в более выгодном положении, чем атакующие, продиравшиеся сквозь сугробы. Пес выстрелил еще раз, попав в голову последнему из пяти врагов, почти добравшемуся до забора. Больше никого видно не было. Только трупы валялись тут и там на снегу.

– Они думали нас с наскока взять, а мы их умыли. – Сталкер с довольной улыбкой опустил ружье. Отражение атаки из леса оказалось делом гораздо более простым, чем он думал.

– Это из книги? – поинтересовалась Жанна, уже усвоившая привычку Игната сыпать к месту и не к месту цитатами.

– Не, фильм. «Они сражались за Родину». Почти про нас, хых. Правда, Сева для меня ни хрена не родина.

Сталкер снова включил свет. В тут же секунду прожектор взорвался. Псарев в первый момент опешил и в ужасе отшатнулся. Он не сразу понял, что прожектор взорвался не сам. В него попали. И это была точно не стрела. Пуля.

Игнат перевел взгляд на лес и едва не потерял дар речи.

В атаку на периметр шла настоящая человеческая волна. Десятки вооруженных людей. Целая армия. Те несчастные, что бросились в смертельную атаку через сугробы, сделали главное: проложили для товарищей тропинки. Теперь ата-

кующие могли наступать стремительно, не увязая в рыхлом снегу. Они ловко карабкались вверх по забору. Некоторые срывались, но упорно лезли снова. В считанные минуты толпа преодолела внешний периметр. Вооружены чем попало. Одеты, кто во что горазд. Обычное нашествие дикарей. С одним отличием: никогда еще головорезов не атаковали такими силами.

Сталкер успел выстрелить всего один раз, а потом рухнул на дощатый пол вышки, сраженный метательным снарядом, выпущенным из пращи. Небольшой, но тяжелый предмет угодил ему в грудь. Удар был такой силы, что по груди Пса растеклась нестерпимая боль.

«Это камень. – Немного скосив глаза, сталкер увидел метательный снаряд, лежавший рядом. – Просто камень... Но если бы в лоб попало – все, кирдык».

Жанна метнулась на помощь напарнику, начала расстегивать одежду, чтобы осмотреть место удара, но тут лестница, ведущая на вышку, зашаталась. Один из врагов карабкался наверх. Недолго думая, Негода схватила арбалет, который как раз успела зарядить, и выпустила болт прямо в оскаленную физиономию заросшего щетиной дикаря, пытавшегося добраться до людей на вышке. Враг полетел вниз. Но за ним уже лез еще один.

– Ружье, держи ружье. – Игнат протянул Жанне свое оружие. Женщина выстрелила в голову второго врага. Заряд дробы превратил лицо дикаря в кровавый фарш. Обливаясь

кровью, тот забился на снегу в агонии.

Остальные не стали тратить время на штурм вышки. Обтекая наблюдательный пост с обеих сторон, лавина вооруженных людей устремилась дальше, на территорию промзоны.

– Все, нам хана, – в ужасе прошептала Жанна.

И тут заработали ДОТы.

Группы быстрого реагирования успели вовремя. Они заняли позиции на огневых точках, подготовили к бою пулеметы и огнеметы. И как только лавина врагов прорвала внешний периметр, по ним открыли ураганный огонь.

Высовываясь время от времени со своей вышки, Негода с замиранием сердца наблюдала за творящейся на территории промзоны вакханалией смерти. Пулеметы косили нападающих. Огнеметы работали без остановки, изрыгая струи горячей жидкости, и десятки людей бились на снегу, сгорая заживо. Дикари тоже стреляли, но их пули не достигали бойцов бункера, надежно укрывшихся в ДОТах. Атака превратилась в массовое самоубийство.

Враги дрогнули, заметались по полю, усеянному трупами их товарищей. Наконец, видя бессмысленность атаки, они бросились обратно в лес. Спаслась едва ли пятая часть нападавших. Тут и там валялись трупы.

Ничего страшнее Жанне видеть еще не доводилось. Женщина украдкой вытерла рукавом шубы набежавшую слезинку. Ей, медику, смотреть на жестокое убийство людей было

больно. Она понимала, что лесные дикари пришли на их землю не с добрыми намерениями. Они явились, чтобы сеять смерть и разрушения. И все равно, глядя на снег, густо политый человеческой кровью, Жанна чувствовала, как сердце ее сжимается от ужаса. Но даже в таких условиях она нашла в себе силы осмотреть огромный синяк на груди Пса и обработать его мазью из аптечки.

Игнат воспринял произошедшее более спокойно. Мясорубка, творившаяся на станциях Оккервиля во время вторжения веганцев, мало чем отличалась от сегодняшнего побоища. Но и сталкер чувствовал себя подавленно. Он думал о том, сколько таких атак еще сумеет отразить бункер. Патроны кончались, равно как и смеси для огнеметов. Восполнять запасы было сложно, а зачастую и просто невозможно. Сегодня они победили. Но что будет в следующий раз?...

Пес подобрался к напарнице. Женщина сидела в углу вышки, обхватив голову руками, вздрагивала, словно от озноба, и повторяла снова и снова:

– Какой кошмар... Какой кошмар...

– Понимаю. Хреново. – Сталкер обнял подругу, ободряюще потрепал по плечу. – Ничего, справишься, ты сильная. Молодец, детка. Круто тех двоих уделала.

Жанна всхлипнула, обняла товарища и зарылась носом в его шубу. Так сидели они долго в полной тишине.

В это время снова закрипели ступеньки лестницы. На вышку спешили солдаты бункера, чтобы проверить, живы ли

ПОСТОВЫЕ.

Глава 3

Примирение

После драки с Жанной Алиса шла по коридорам, словно сомнамбула, сама не зная, куда и зачем. Возвращаться домой к мужу не хотелось. Изливать душевную боль Диане – тоже. Та и так в последние дни с завидным постоянством работала жилеткой для Алисиных слез, а ведь у нее были свои проблемы. К кому еще обратиться со своей болью, Чайка не знала. Штатного психолога в бункере не числилось.

Так она шла довольно долго, пока не оказалась в тупике. Узкий коридор заканчивался неприметной стальной дверью. Никаких ответвлений. Дальше пути нет, только назад. Алиса тяжело вздохнула и хотела уже плестись обратно, но тут заметила надпись на двери.

«Церковь».

Вот так, без лишнего пафоса. Небольшими желтыми буквами, обведенными по трафарету. Над дверным косяком был нарисован православный крест. Никаких украшений. Женщина, немного помявшись на пороге, решила постучать. Она считала себя верующей, молилась, как могла. Живя в метро Петербурга, даже заходила время от времени в храм, Подземный Исаакий, находившийся возле станции «Невский проспект». Но про то, что в бункере «Кирпичного

завода» есть своя церковь, Алиса раньше не слышала.

– Войдите! – раздался мягкий, приятный мужской голос.

Чайка толкнула дверь, которая отворилась с тихим скрипом, и оказалась в темном помещении, где горела лишь одна маленькая лампочка. Это была совсем небольшая комната, не больше их с Игнатом «семейного гнездышка». Вдоль стен стояли две лавки. Напротив двери – небольшой иконостас с изображениями Богородицы и Спасителя. Алиса робко перекрестилась, огляделась по сторонам, и только тут заметила молодого мужчину с жиденькой бородкой и забавными усиками, одетого во все черное. Он сидел на краю одной из лавок и с любопытством смотрел на посетительницу.

– Здра... Здравсьте... – произнесла женщина, потом спохватилась и добавила: – ...батюшка.

Священник тихо засмеялся.

– Ты даже знаешь, сестренка, как к нашему брату надо обращаться. А то все «поп» да «поп». Иногда еще – «святой отец»... Порадовала, порадовала. Меня зовут отец Иоанн. Ты садись, садись рядом. Не бойся.

Чайка присела на край скамейки, с любопытством рассматривая священника. На вид отцу Иоанну было не больше тридцати лет. Алиса всегда считала, что священниками служат только совсем уже седые дедушки. Но сейчас перед ней сидел человек лишь ненамного ее старше.

– Ты не бойся, – повторил священник ласково, с теплой улыбкой глядя на посетительницу. – Прошли те времена, ко-

гда женщин за брюки гнали из церквей, аки грешниц великих.

Та хихикнула в ответ. Потом смутилась и опустила глаза в пол. Ей тоже доводилось слышать истории о зловещих бабушках, которые в прежние времена комментировали каждый шаг несчастного, впервые переступившего порог православного храма.

– Что привело тебя сюда? – спросил отец Иоанн спустя некоторое время, в продолжение которого Алиса рассматривала скромное убранство церкви, а священник с интересом изучал игру эмоций на лице девушки.

– Да так, просто шла... – Прозвучало неубедительно. Алиса забрела в самый дальний отсек бункера. Просто так сюда вряд ли кто-то заходил.

– Не знаю, куда мне идти и что делать, – добавила Чайка, и вот это уже звучало гораздо ближе к истине.

– С мужем конфликт? – Священник сказал это так просто, словно речь шла о совершенно очевидном.

Но Алису его слова изумили и даже слегка испугали. Конечно, про пощечину, которую она отвесила Игнату, могли узнать соседи. Но это случилось меньше получаса назад. Едва ли слухи успели дойти сюда, на самую окраину подземелья.

– Но как?... – с трудом выдавила из себя женщина.

– Не волнуйся, сестренка. – Священник снова тихо, ласково засмеялся. – Даром чтения мыслей не обладаю. Господь

не наделил. Просто опыт. Ты не смотри, что я не старик с седой бородой да с носом-картошкой.

Он скорчил смешную гримасу и сам же расхохотался. Чайка улыбнулась в ответ. Отец Иоанн умел расположить к себе людей.

– Я не старец. Даже не младостарец. Но людей видел, жизнь видел... И совет дать могу. Ты расскажи...

Изливать незнакомому человеку, тем более мужчине, всю горечь, накопившуюся в душе, Алиса не решилась. Она просто тяжело вздохнула, обхватила голову руками и произнесла:

– Он – хороший. Но он не может подождать, пока у меня все утрясется на работе. И... И смотрит на других женщин. О многоженстве мечтает, представляете.

– Только смотрит? – уточнил священник. – Тогда это еще не большая беда.

Чайка от возмущения чуть не вскочила на ноги. С трудом ей удалось обуздать первый порыв негодования.

– Вы что, батюшка, Евангелие не читали?! «Кто смотрит на женщину с вожделением, тот уже прелюбодействовал с ней в сердце своем».

– Читал, – мягким, примирительным тоном отвечал отец Иоанн. – Но не забывай, мужчины совсем иначе устроены. Знаешь, как говорят: «Мужчина с Марса, женщина с Венеры»? Мы живем рядом. Но мы такие разные...

Чайка слушала отца Иоанна и ушам своим не верила. В ее представлении священник должен был выглядеть совсем

другим и рассуждать иначе, грозно обличать пороки развращенных людей, грозить адскими мучениями и так далее.

– Марс, Венера... А вы точно православный священник? Может, вы это... Как его... Протестант? – В душу Алисы стало закрадываться подозрение, что перед ней или ряженый, или мошенник, или этот человек представляет какую-то другую конфессию, где иначе трактуют Библию.

– А ты многое знаешь! – Батюшка уважительно хмыкнул. – Вон, и про протестантов слышала.

– У нас, в Оккервиле, дают хорошее образование, – с гордостью ответила Чайка, потом помрачнела и добавила тихо: – Давали...

Расспрашивать ее про судьбу родной общины отец Иоанн не стал, продолжил разговор.

– Да, я точно священник. Настоящий. Рукоположен в иереи нашим прежним батюшкой, отцом Романом, царство ему небесное.

«Жаль, что этот отец Роман умер, – подумала Алиса, – вот он бы наверняка все правильно объяснил».

– Но ты не случайно вспомнила протестантов, сестренка. Они многое упростили, потеряли меру, но кое в чем были правы. Времена меняются, и язык церкви должен меняться.

– То есть паяться на других женщин – хорошо? – вспыхнула девушка.

– Нехорошо. Но подумай, сестренка, что ты сама сделала не так. – Отец Иоанн сделал акцент на слове «ты». – В лю-

бом конфликте обычно виноваты обе стороны. Ты на работе пропадаешь, а он ждет тебя...

– Я большое дело делаю! – взвилась Чайка. – Я за ранеными ухаживаю!

– Вот ты говоришь «я, я». И ни разу не сказала «МЫ». Семья – малая церковь. – Отец Иоанн продолжал говорить ровным голосом, словно не заметив последней реплики девушки. – Нельзя жертвовать семьей. Ни в каких обстоятельствах.

Алиса надула губы и отвернулась. Ей неприятно было осознать, что священник прав, со всех сторон прав. Она взвалила всю вину на одного Игната. Он мало внимания ей уделяет? А она? Да, она работает больше. Но... не сама ли она избегает близости с мужем? Не нарочно ли так нагружает себя на работе, чтоб не решать семейные проблемы. «Я устала. Отстань», – что еще от нее слышит Игнат по вечерам?

Он ждал очень долго, прежде чем начал смотреть по сторонам в поисках другой дамы. И опять же – только смотреть. Если бы измена уже произошла, Алиса бы почти наверняка узнала об этом. Но признавать свою неправоту, да еще перед чужим человеком, девушка не хотела.

– Все равно он виноват. – Она встала и пошла к выходу, давая понять, что разговор закончен, но в последний момент остановилась. – Кстати, вы обещали дать мне совет.

– Эй, даешь советы! Даю. – Священник добродушно улыбнулся. – Совет простой. Когда вернешься к нему, не ругай и

не пили. Ему и так тяжело, поверь. Попробуй быть ласковой. Ни один мужчина не пойдет налево, если дома он окружен заботой и вниманием...

Чайка рассеянно кивнула и поспешила покинуть церковь.

Дорога домой заняла довольно много времени. Пару раз женщина сворачивала не туда, и приходилось снова плутать в поисках нужного поворота. Все это время она была полна желания если и не устроить Игнату очередной скандал, то, как минимум, провести с ним очередную воспитательную беседу.

Но чем ближе становился их дом, тем яснее Алиса понимала: от ее нотаций не будет проку. Сколько раз она пыталась достучаться до мужа, устраивая ему разносы? Помогло ли это хоть чуть-чуть? Нет. Ситуация лишь становилась все более и более безнадежной.

«Похоже, что этот поп прав. Попробую быть мягче. Постараюсь, – решила она. – Вот только получится ли?»

У дверей дома ее уже дожидался глашатай Сбруев. Неприятный тип, которого побаивались все соседи. Он служил одним из помощников председателя и отвечал за исполнение распоряжений Совета. С ним рядом стоял молчаливый бугай по кличке Лютый.

– Алиса Чайка, решением Совета ты лишена права заниматься медицинской деятельностью на ближайшие семь дней. Будешь находиться под домашним арестом.

Медсестра даже не пыталась скрыть, как она рада этому

наказанию.

«Хотя бы ради этого стоило надавать Жанне по щекам», — подумала женщина, а вслух сказала:

— Клево. Отдохну немного.

И захлопнула дверь перед слегка опешившим Валентином. Лютый едва заметно ухмыльнулся. Он тоже недолюбливал глашатая.

* * *

Домой Пес возвращался героем, ловил на себе восторженные взгляды соседей. О мужестве, которое проявили Игнат Псарев и Жанна Негода в ходе отражения атаки, объявили всей общине по громкой связи. Через динамики, висевшие в общественных местах и коридорах, руководство бункера оперативно информировало население о новых распоряжениях и значимых событиях.

Благодарность за проявленную бдительность Игнату объявил сам председатель, Роман Анатольевич. Несмотря на поздний час, Звягинцев лично вышел приветствовать героев, возвращавшихся с поля битвы. О наказании за дебош никто уже и не помнил. Сталкера отвели в медпункт, где еще раз обработали синяк. Жанне помощь не понадобилась. Едва друзья вышли из медицинского кабинета, как их окружила свита председателя: всякие помощники, заместители и прочие.

– Такие солдаты на вес золота. – Председатель обращался скорее не к Игнату, а к своему окружению.

Пес вяло улыбнулся в ответ. Сил на то, чтобы испытывать бурную радость, просто не осталось. Его напарница выглядела еще хуже, она еле стояла на ногах. Председатель все прекрасно понимал и не стал задерживать героев, отпустил домой отсыпаться. На прощание Игнат и Жанна крепко пожали друг другу руки.

– Крепись, – шепнула на прощание Негода.

Псарев отлично понял, о чем идет речь. Предстоял трудный разговор с женой. Наверное, самый трудный за все время их отношений.

Сталкер надеялся, что Алиса будет спать и разговор удастся отложить до утра. Но Чайка не спала. В тусклом свете единственной лампочки Игнат сразу увидел жену. Она сидела на кровати, скрестив ноги по-турецки и закутавшись в плед. Увидев мужа, девушка вскочила и бросилась ему на шею.

– Боже мой, Игнат! Вернулся! Живой, – шептала Алиса, покрывая лицо сталкера поцелуями.

От такой встречи Псарев несколько опешил. Он ждал если и не очередной истерики, то, как минимум, неприятного разговора.

– Живой. Немного поломали, – проворчал сталкер и растегнул куртку на груди. Синяк огромных размеров был виден даже в полутьме.

Чайка ахнула и схватилась за сердце.

– Чем это тебя?!

– Камень. Из пращи, наверное. Ниче, детка. Радуйся, что не в лобешник, а то бы последние мозги вышибло.

Игнат снял куртку, брюки, сбросил сапоги и рухнул на кровать. Алиса молча подняла одежду, повесила на вешалку. После этого тоже забралась на кровать и несколько раз поцеловала огромный синяк на груди мужа. Еще недавно она бы обязательно поставила Игнату на вид разбросанную одежду.

Псарев терялся в догадках, что случилось с женой.

– Милая, с тобой все в порядке? – Игнат, конечно, радовался разительной перемене, произошедшей с Алисой, но до сих пор не мог поверить, что это не шутка и не розыгрыш с ее стороны. Зная его жену, этого нельзя было исключать.

«Может, Дианка ей мозги вправила?» – предположение казалось логичным. Уже месяц Чайка бегала к подруге жаловаться на непутевого супруга. Та успела крепко устать от этих «разговоров по душам», сталкер знал это.

Алиса ждала этого вопроса. Хорошенько подумав, она решила пока не рассказывать Игнату о беседе со священником. Сложно было предсказать реакцию мужа. К счастью, отвлечь его внимание оказалась несложно.

– Я... В общем, я под домашним арестом...

– Ты... Что?! – Игнат чуть не подскочил на кровати.

– Ага. За разборку с Жанной. И запрет на работу схлопотала. На неделю. В коридоре рядовой оттирается, следит.

Пес вспомнил, что громила-охранник, в самом деле, стоял недалеко от их двери, но тогда сталкер не придавал этому значения.

– Да я... Да я их всех раком поставлю, уродов! Прямо сейчас к главному пойду! – Игнат вскочил с кровати и начал натягивать сапоги.

– Не надо, милый, – произнесла жена с нежностью в голосе. – Правда, не надо. Так даже лучше.

– То есть как? – Сталкер окончательно перестал что-либо понимать, так и застыл с наполовину надетым сапогом.

– Ну ее, эту работу, – устало отозвалась девушка. – Реально, задолбали. А так хоть отдохну. Наберусь сил. И мы с тобой, наконец, сможем побыть вместе.

Только тут Игнат понял, что Алиса права. Сейчас ни он, ни она не были готовы к любовным подвигам. Но неделя – срок приличный. Этого времени должно было хватить, чтобы они поправили здоровье. После того, что случилось на улице этой ночью, все рейды за периметр решили отменить. Минимум на неделю. Пока армия общины не выяснит, насколько серьезна угроза.

Сталкер аккуратно поставил сапоги у двери. Потом забрался обратно на кровать и нежно прижал к себе жену. Теперь можно было расслабиться, забыть про все заботы и просто выспаться рядом с любимой женщиной.

– Верно говорят, жизнь как зебра, – пробормотал Пес сквозь дрему. – То черная полоса, то белая. Вот черная, ка-

жется, кончилась.

– Попа у зебры тоже есть, – отвечала со смехом Алиса.

– О да. Но после нее все равно – белая полоса.

И счастливые супруги погрузились в спокойный, здоровый сон.

* * *

Было три часа ночи.

Спал весь бункер. Клевали носами на постах охранники. Разошлись по комнатам рабочие ночной смены. Даже председатель, прошедший на ногах половину ночи, отправился в свои апартаменты, чтобы немного вздремнуть. В этот поздний час во всем огромном убежище «Кирпичного завода» бодрствовало лишь несколько человек.

Одним из них был Альберт Евгеньевич Вилков – претендент номер два на должность председателя.

В одиночной камере тюремного блока он уже второй час пытал взятую в плен дикаря. Первое время пленник молчал, но Вилков и его помощники свое дело знали. После страшных истязаний избитый, изувеченный дикарь все-таки заговорил.

К утру председателя ждал подробнейший доклад об опасности, угрожающей общине...

Глава 4

Новая угроза

Утром следующего дня, еще до того, как собрали все трупы врагов, на периметре произошли серьезные изменения. Всех случайных людей, отправленных на посты из-под палки, заменили на проверенных бойцов, которых отбирал лично Альберт Вилков. Выходы на поверхность перекрыли для всех граждан, кроме тех, кто имел специальный пропуск.

В двенадцать часов дня из главных ворот промзоны, взмывая вихри снега, выехала диковинная конструкция на полозьях. Впереди – закрытая, застекленная кабина с пятью сиденьями. Сзади – пропеллер. То были аэросани, в кабине которых ехали опытные солдаты общины, вооруженные до зубов. Им предстояло установить, насколько верна информация, полученная от «языка».

Община продолжала жить обычной жизнью, словно и не было массированного нападения. Работали все службы, системы жизнеобеспечения функционировали исправно в энергосберегающем режиме. И только руководство бункера пребывало в напряженном ожидании. С часу на час ждали возвращения разведки и сам председатель, и члены Совета, и все офицеры. До боли в глазах вглядывались в даль постовые на вышках. В сторону Ладожского озера вела лишь одна

просека. Единственный путь, свободный от бурелома и поваленных деревьев. Только оттуда могли появиться аэросани.

Дальний конец просеки терялся в снежной дымке. Время от времени налетал ветер, и тогда просеку заволакивало белесой пеленой. Грозно шевелился могучий лес, окружавший периметр со всех сторон. Качались на ветру высокие раскидистые сосны, ели, березы. Час шел за часом.

На третьи сутки всем стояло ясно: с разведкой случилась беда.

И тогда Роман Анатольевич Звягинцев вызвал полковника Бодрова.

Дмитрий Александрович Бодров, официально не занимавший в общине никаких постов, до последнего момента был не в курсе, что бункер отправил разведывательный отряд на Ладожское озеро. Полковник жил обычной жизнью. Спал, ел, прохаживался по отсекам убежища, беседуя с друзьями и приятелями. Он даже не догадывался, что творится на поверхности и в «высоких» кабинетах.

Примерно таким же был статус Василия Васильевича Стасова, бывшего завхоза Оккервиля. Он числился в бункере советником. Весьма ценным, надо сказать. В чем, в чем, а в системах жизнеобеспечения Стасов разбирался отлично.

Вызов к председателю стал для Бодрова полной неожиданностью.

«Неужели опять кто-то из моих набедокурил?» – В памяти

полковника еще была свежа история с любовным треугольником Псарев – Чайка – Негода.

Едва переступив порог кабинета Романа Анатольевича, Бодров понял: случилось что-то из ряда вон выходящее. Таким мрачным и угрюмым председатель не бывал еще никогда. Звягинцев сидел за столом, сжав руки в замок, и не сводил глаз с карты Ладожского озера и окрестностей, лежавшей перед ним.

– Вызывали? – Дмитрий Александрович на мгновение застыл на пороге, но не дождался ответа и без приглашения присел на свободный стул.

– Что стряслось? – снова спросил он.

Молчание затягивалось. Бодров терялся в догадках, что могло так сильно выбить из колеи председателя. Тот как будто находился где-то далеко, не здесь, хотя глаза Романа Анатольевича были открыты. Глава Совета напряженно думал, решал сложнейшую задачу с кучей неизвестных.

Наконец, Звягинцев словно очнулся от сна, взглянул на полковника так, будто только что его увидел.

– Здравствуй, Дим, – обратился председатель к командиру оккеров. – Дело есть.

После этого он развернул карту так, чтобы полковнику не приходилось читать названия вверх ногами. Карта была отличная, пусть и немного выцветшая и истрепанная. Очертания озера, реки и ручьи, основные населенные пункты и прочее – как на ладони.

– Про атаку дикарей на периметр ты, конечно, слышал.

Бодров утвердительно кивнул. Об этом объявляли по громкой связи, да и Игнат Псарев рассказал в самых ярких красках.

– Мы взяли «языка», – продолжал Роман Анатольевич, при этих словах губы его изогнулись в зловещей усмешке. – Сначала молчал, гад. Но мы и не таким языки развязывали. Заговорил, сука. Много интересного рассказал. Короче, они вот отсюда пожаловали.

С этими словами Звягинцев указал на дальний берег Ладоги. Там располагался залив Свирская губа.

Полковник удивленно присвистнул.

– Это ж сто тридцать километров по прямой! И они дошли?

Роман Анатольевич лишь плечами пожал.

– Значит, дошли. По льду вполне реально. К нам один раз аж из Петрозаводска гость пожаловал. Они ж не просто так погулять отправились. Грабить шли. Знали точно, что тут богатая община. Видели, что вышек мало и забор невысокий. А про ДОТы они не знали, ха-ха-ха! – Звягинцев расхохотался, потом резко помрачнел и добавил: – А теперь о плохом. Мы потеряли разведывательный отряд.

Бодров весь обратился в слух. Теперь ему стало яснее, с какой целью председатель позвал его в кабинет и показал карту. Роману Анатольевичу в первый раз за месяц понадобилась его помощь. Это было приятно.

– Они уехали на аэросанях. – Звягинцев провел пальцем по просеке. Она доходила почти до самого берега Ладоги. – Пять человек отправили. Отборных бойцов. Дали им с собой автоматы, гранаты. Все самое лучшее оружие. И вот прошло три дня. Три дня, Дим. Срок серьезный.

– Они могли попасть в засаду. – Дмитрий Александрович не увидел в произошедшем ничего сверхъестественного. Ну, отряд. Ну, пропал. Бывает.

– Наши враги – дикари! – С этими словами председатель вскочил на ноги. – Дикари, Дим! Что у них за оружие? Стрелы, копья, камни! Ну, десятка два убогих ружей мы собрали наверху. Мы убили большинство нападавших! Мы обескровили их. Не могли дикари уничтожить нашу разведку. Не могли!

Звягинцев устало рухнул обратно на стул. Видно было, что нормально поспать ему давно не удавалось. Ситуация, сложившаяся с разведывательным отрядом, выматывала Романа Анатольевича, лишила его покоя и сна.

Полковник, в отличие от председателя, ничего особенного тут не находил. Аэросани могли попасть в грамотную ловушку. Кто их, этих дикарей, знает? А может, и не люди постарались, а дикие звери. Разведка могла провалиться под лед. Все могло случиться. Но чувства Звягинцева полковник понимал. Пропали его люди. Лучшие бойцы. А еще – дефицитное оружие и боеприпасы к нему.

– Мы своих не бросаем, – процедил председатель сквозь

зубы. В этом Дмитрий Александрович был с ним согласен. Он и сам всегда, до последней возможности старался вытащить своих людей из беды.

– Но нам нужна помощь. Твои люди, Дим, видели такое, что моим и не снилось. Вдруг это работа этих, как их там... Веганцев?

«Очень маловероятно, пока им в метро работы хватает», – подумал полковник, а вслух сказал:

– Не исключено.

– Мы решили отправить второй отряд, – продолжал Роман Анатольевич. – Выбери, кого считаешь нужным. Двоих-троих, на твое усмотрение.

Слова председателя польстили самолюбию Дмитрия Александровича. После переселения во Всеволожск бывшие оккеры стали полноправными гражданами бункера, теперь все они подчинялись новому начальству, а не Бодрову. И вот теперь Звягинцев доверял ему подготовку к столь ответственному походу. Полковник жест оценил.

– Сколько еще осталось аэросаней? – Задав этот вопрос, Дмитрий Александрович дал понять, что его согласие уже получено, осталось лишь утрясти детали.

– Две единицы. Есть еще, конечно, джип. И дрезина. Но по такому снегу... Да еще через озеро... Не, аэросани – идеальный вариант.

– Я бы хотел сам потолковать с этим «языком». – Полковник не сомневался в способностях местных специалистов

выбивать из пленников нужные сведения. Но ему не все было ясно в истории с нападением на периметр.

– Уже не выйдет. Помер. – Роман Анатольевич развел руками. – Альберт слегка перестарался. Да ладно, Дим. Он все выложил. Все, что нам нужно.

Бодров промолчал. Он не доверял Вилкову. Дмитрию Александровичу трудно было объяснить, что именно вызывало его подозрения. Никаких разумных аргументов против зама начальника службы безопасности пока на руках не имелось, только предположения. А этого было мало, чтобы обвинить в чем-то такого человека. Но Вилков проиграл выборы, совсем немного уступив Звягинцеву. Поражение от этого было еще более досадным. Однако полковник очень хорошо понимал, кто он здесь и каковы его реальные права, поэтому ничего не сказал о своих подозрениях.

– Хорошо. Я выберу троих, – произнес Дмитрий Александрович после долгой паузы. – Лишь один вопрос.

– Конечно, Дим. Спрашивай.

– Что в приоритете? Разведка или спасательная миссия?

Председатель ответил не сразу. Конечно, для общины было крайне важно выяснить, насколько велика угроза. Хорошо бы разведчики занялись и поисками первой, пропавшей группы. Но это могло поставить под удар их самих. Потерять два отряда Звягинцев не мог себе позволить, тем более сразу после выборов. К тому же уже два дня как урезали норму выдачи продовольствия, и системы жизнеобеспечения, по рас-

поряжению председателя, были переведены в энергосберегающий режим. Со всеми вытекающими из этого малоприятными последствиями. В бункере уже вспыхивали стихийные протесты. А может, и не стихийные, а кем-то ловко организованные.

«Но сейчас не до них – побухтят и успокоятся. Будем надеяться, что у нас хватит боеприпасов еще на пару таких нашествий», – решил Роман Анатольевич. Вслух же он сказал: – Важнее всего вернуться живыми. И выяснить, что там за хрень творится. Спасение – по возможности.

Председатель не знал, что спасти было уже некого...

* * *

В десяти километрах от периметра командир первой группы, старшина Иван Рагозин, увидел завал, перегородивший просеку.

– Твою мать, что за херня?! – Он был крайне раздосадован. – Куда эти мудаки смотрели?

– Кто? – спросил водитель саней.

– Лесники, мать их. Останови машину, надо разобраться. Аэросани остановились. Не выходя из машины, старшина принялся осматривать препятствие через лобовое стекло. Завал оказался не таким уж серьезным. Три небольшие сосны рухнули на просеку, частично перекрыв движение. Объехать их не представлялось возможным. Но распилить и рас-

тащить — легко. В аэросанях как раз лежали два топора и пила.

Рагозина беспокоил даже не сам завал, а то, откуда он появился.

«Наши лесники свое дело знают, — рассуждал старшина. — Совсем недавно осматривали все просеки. Не могли они пропустить. Ураганов вроде не было. Что-то тут не то...»

Иван вспомнил, как старшие товарищи, заставшие довоенный кинематограф, пересказывали ему сюжеты детективов и боевиков. Завалы в этих фильмах часто устраивали, чтобы организовать засаду. Пока герои растаскивали деревья, на них нападали злодеи. Или наоборот, бандиты попадали в ловушку детективов.

— Возвращаемся! — приказал старшина.

Водитель безропотно подчинился. Аэросани начали разворачиваться, буксуя из-за сугробов, образовавшихся за последние три дня. Сыпал снег, мела поземка, вокруг машины кружились маленькие снежные вихри. Стекла аэросаней слегка запотели. Поэтому люди Рагозина не заметили в первый момент, как вокруг них зашевелились сугробы. Сначала один, потом второй, третий.

Не успел старшина понять, что происходит, как по аэросаням со всех сторон открыли огонь из пистолетов с глушителями. Стекло кабины не смогло защитить экипаж от пуль. Водитель и Рагозин погибли сразу, в первые же секунды. Еще три бойца, сидевшие на заднем сиденье, схватились за ору-

жие, успели несколько раз выстрелить в ответ. Корпус машины оказался лучшей защитой, чем стекло, но стрелки в маскировочных халатах быстро поняли это. Два «сугроба» подобрались ближе и буквально изрешетили пулями оставшихся бойцов.

В это время как раз разыгралась метель, ветер завыл, словно голодный пес на привязи, да и расстояние до периметра было уже довольно большим. И все же постовые на вышке, находившейся ближе всего к просеке, расслышали вдалеке выстрелы. Они замерли, переглянулись, а потом один сказал другому:

– Мы ничего не слышали, усек?

Его товарищ кивнул и отвернулся.

Так закончилась экспедиция первого отряда.

Глава 5

Шаг за грань

Игнат, отоспавшись и восстановившись, решил серьезно подготовиться к ночи любви с Алисой. Обстоятельства сложились идеально: их обоих впервые за месяц оставили в покое. Медсестру не гоняли на дежурства, Игната – в рейды. Лютый, время от времени ошивавшийся за дверью, никак им не досаждал. Пес, на которого домашний арест не распространялся, сходил в столовую, взял еды для себя и жены. Чайка достала из дальнего ящика свое тонкое белье, где-то раздобыла помаду, накрасила губы. И эти призывные алые губы сводили Игната с ума.

Воодушевленный, он решил воплотить в жизнь кое-какие идеи, которые когда-то почерпнул со страниц «Камасутры».

Но реальность оказалась не так радужна, как мечты Пса-рева.

Им долго не удавалось занять удобную позицию. Алиса каждый раз жаловалась, что ей больно и неудобно.

– Блин, мы че, в тетрис играем?! – не выдержал сталкер полчаса спустя.

«С Жанной вышло бы проще». – Эта мысль много раз приходила в голову Игнату, сколько он ее ни отгонял.

Когда они расслабились и просто лежали, обнявшись,

Алиса неожиданно страстно прильнула к мужу. Вроде бы дело, наконец, пошло на лад, но тут отключили свет. Игнат свалился с кровати и ударился о ее край грудью, на которой уже был синяк, ругая Звягинцева за чрезмерную экономию. Но жена так завелась, что Пес быстро вернулся к супружеским обязанностям. Он и не думал, что она может быть такой страстной. Но тут в стену принялись стучать соседи.

– Але, звук убавьте! – раздался визгливый женский голос с другой стороны тонкой перегородки.

Алиса замолчала, перестала стонать, но из-за этого процесс потерял львиную долю очарования. Все закончилось как-то смазанно, без огонька. Игнат не скрывал своего разочарования.

– Жопа, полная жопа, – проворчал он, отвернувшись к стене. – Ненавижу этот бункер гребаный. Хватило же ума перегородки из дерьма и палок сделать! Ты чихаешь – сосед подскакивает. Кра-со-та!

– В метро жилось лучше, да? – Чайка тоже чувствовала себя паршиво.

– Там мой дом. Был, – отозвался Пес, поворочался немного и заснул.

Алиса лежала, прикрывшись одеялом, и печально смотрела в пустоту.

После близости с Игнатом на ее бедрах появилось несколько чувствительных синяков. Запоздало пришла мысль: а если она все-таки забеременеет, как они будут тут

растить ребенка? В метро, в общине Оккервиль, имелись и детский сад, и школа. Тут – ничего. Люди жили в жуткой тесноте. И, что всего хуже, специалисты, умевшие поддерживать в рабочем состоянии систему жизнеобеспечения, постепенно вымирали, а их помощники были не так толковы. И опыта им не хватало. А без нормальной работы всех систем убежище быстро превратилось бы в братскую могилу на четыре сотни тел.

Обо всем этом Пес и Чайка знали. Вопрос, что делать дальше, как жить, повисал в воздухе. И сейчас, лежа в постели без сна, женщина в который раз задавала себе этот мучительный вопрос.

«Может, к отцу Иоанну сходить? Он объяснит», – с этой мыслью она уснула, а утром, пока Игнат спал, отправилась в церковь. Охранников в коридоре видно не было. Видимо, они тоже спали.

Священник сидел на лавочке. Создавалось ощущение, что это и есть его дом. Алиса терялась в догадках, где спит отец Иоанн. Никакой мебели, кроме двух лавок, в крохотной комнатке не было.

– Здравствуй, сестренка, проходи! – Священник обрадовался ей, как родной. – С чем пожаловала?

– С вопросом. С бедой, – чуть слышно отозвалась Чайка.

– Сюда с другим не ходят. – Отец Иоанн слегка улыбнулся, но улыбка вышла грустной. – Не помню, когда в последний раз кто-то пришел сказать: «Господи, спасибо». Садись

рядом, сестренка.

Алиса присела на лавку. Теперь она ощущала себя тут более уверенно, чем во время прошлого визита. В церкви царил такая тишина, что слышно было, как гудит под потолком вентилятор и потрескивает лампочка. Тусклого света едва хватало для того, чтобы рассмотреть фигуру священника, лавку, лики Спасителя и Богородицы на иконостасе. Но здесь Алиса ощущала какое-то странное спокойствие. Едва она переступала порог церкви, как бесчисленные страхи и тревоги тут же замолкали, отступали.

«Интересно, в чем тут секрет? Самовнушение?» – подумала Чайка, а вслух сказала:

– Похоже, нам всем тут недолго осталось...

– Что делать, люди смертны, – отозвался священник и равнодушно пожал плечами. И в этот раз его спокойный, почти безмятежный вид не понравился Алисе.

– Вы, кажется, не понимаете... Общине грозит вымирание!

– Истинная жизнь не здесь, а там, – продолжал отец Иоанн тем же отрешенным тоном. – Наше пребывание на этой грешной земле... Это лишь краткое странствие, не более того. А вот потом...

– Вы же сами говорили, что нужно упрощать, адаптировать некоторые вещи.

– Эти – нельзя. – Ответ отца Иоанна прозвучал неожиданно жестко. – Это – истина. Наша цель в этой жизни – подго-

товка к будущей, вечной.

– А если нет? – закричала Алиса, вскакивая на ноги. – А если нет?! Оттуда кто-то возвращался? Нет! Рай и ад описывали очевидцы? Нет!

– Мы имеем откровение... – попытался возразить священник, но женщина не слушала.

Сегодняшний разговор складывался совсем не так, как ей хотелось. Она не получила и доли того спокойствия и уверенности, как после беседы насчет семьи. Тогда, комментируя ее разлад с Игнатом, отец Иоанн рассуждал разумно, здраво. Сегодня же на все ее метания и терзания последовал ответ: «Все там будем». И Чайку такой ответ ни капли не устроил.

– Зачем тогда это все? Семья, дети? Зачем, если все мы умрем? Вы наставляли меня, как жить с мужем. А зачем, если земная жизнь – просто короткая прогулка?! Как жить? Жить как, отец Иоанн?! – бросила она в лицо священнику с болью и мукой.

А тот снова улыбнулся и отвечал:

– Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем – мое почтение. Амвросий Оптинский.

Дальше Алиса слушать не стала. Едва сдерживая слезы, она выбежала из церкви и побежала домой, к Игнату.

– Ты че? Кто тебя обидел? – Сталкер не на шутку встревожился, увидев жену в слезах.

– Священник! – В любой другой ситуации она не стала бы выдавать своего собеседника. Но сейчас ей было все равно.

– Кто?! – Игнат не поверил своим ушам. – И че он с тобой сделал?

– Сказал, что мы все умрем... – ответила Алиса. Мужа ее ответ слегка позабавил.

– Что ты говоришь? Вот так сюрприз. Ты знаешь бессмертных людей? Познакомь.

– В прошлый раз он говорил так хорошо, так мудро! Про нас с тобой. А сегодня...

– Так-так. И давно ты к нему ходишь?

Прежнюю веселость как рукой сняло. Сталкер понял, что в его отношения с женой непостижимым образом вкрался кто-то третий. Да еще и мужчина. И этот «третий лишний» еще и осмелился давать Алисе советы относительно их отношений.

– Два раза, – шмыгнула носом женщина.

– Ясно, – произнес Игнат. Потом встал, надел куртку и ушел.

Только тут Чайка поняла, что она наделала. Она подставила отца Иоанна. Натравила на него разъяренного сталкера. Чем может кончиться их разговор? Вряд ли чем-то хорошим. Алиса сомневалась, что Игнат побьет священника. А вот наговорить с три короба – это запросто.

Не теряя времени, женщина помчалась в сторону церкви.

– Стой! Куда?! – зарычал ей вслед Лютый. Утреннюю отлучку Чайки ее сторож благополучно прошляпил, но сейчас улизнуть от него так легко ей не удалось.

Алиса не ответила и не остановилась. Она бежала со всех ног. Лютый, немного отстав, спешил за ней.

Дверь церкви была приоткрыта, и оттуда слышался голос Псарева.

– Алиска – моя жена, усек? – рычал сталкер на священника.

– Я не претендую на вашу жену, – добродушно отвечал отец Иоанн.

– И трогать ее не смей! – не унимался Псарев.

– Никто ее не трогал, – отозвался священник.

– Если еще раз увижу, что она ревет, в морду дам! – рокотал разгневанный сталкер.

– Это проблема ее восприятия истины, – устало вздохнул отец Иоанн.

– Истины?! – Пес схватил батюшку за грудки и приподнял в воздух. – Какой истины? Что мы все сдохнем?! Нашелся, блин, пророк!

В этот момент в церковь вбежала Алиса, а за ней почти сразу – Лютый. Оба запыхавшиеся, с раскрасневшимися лицами.

– Игнат, стой, не трогай его! – взмолилась девушка.

– Знач так, Пес. Отпусти попа, – потребовал Лютый. И как только тот подчинился, охранник тут же надел на сталкера наручники.

– Пес, ты попал. За такое в камеру сажают. Ща пойдем к майору, он разберется, – процедил Лютый, потом повернул-

ся к Алисе. – Это и тебя касается, детка.

Спустя полчаса Игната и его жену затолкали в карцер. Тяжелая стальная дверь захлопнулась за ними. Наступила полная тишина.

Убедившись, что дверь заперта намертво, другого выхода из карцера нет, а в вентиляционное отверстие не просунешь и кулак, Пес в изнеможении сел на пол.

– А все ты, дура, и твои загоны... – простонал он, обхватив голову руками.

* * *

Узнав, что Игнат и Алиса угодили в карцер, да еще одновременно, да еще за нападение на служителя культа, полковник Бодров сильно удивился. Псарев никогда не отличался примерным поведением, но в последнее время он просто пошел вразнос. Не отставала и Чайка.

«Видно, совсем им тут хреново. – Полковник быстро и точно установил причину беспредела, который устроила эта пара. – Тем лучше. Чтоб из карцера выйти, они еще и не на такое согласятся, хе-хе».

Не теряя времени, Бодров взял клочок бумаги и написал два имени: Игнат Псарев, Алиса Чайка. Потом поколебался еще пару мгновений и дописал рядом третье имя: Павел Свирский. Этот боец хорошо себя показал в боях с веганцами, метко стрелял и неплохо дрался врукопашную. Его впол-

не можно было включить в отряд. Листок с именами полковник тут же передал председателю.

Только после этого Дмитрий Александрович ощутил легкий укол совести. Он отправлял своих людей навстречу неизвестности. Можно было не сомневаться: легкой прогулкой спасательная миссия не станет. Но оккеры имели неоплаченный должок перед руководством общины. Их приютили люди, которые и сами еле помещались в своем бункере. С ними поделились кровом, пищей, питьевой водой. За все в этой жизни нужно платить, полковник понимал это. Три оккера, отправленные в опасную экспедицию, – не самая дорогая цена.

«Игнат везунчик, вернется», – успокоил себя Бодров и занялся другими делами.

* * *

К тому времени, когда в карцер явился глашатай Сбруев с новым приказом от Совета, Игнат и Алиса провели в заключении больше пяти часов. И успели дважды поругаться и один раз подраться. Точнее, дралась Чайка, а Пес вяло отмахивался от ее ударов.

– Ты! Ты мне... Ты мне всю жизнь испортил! – кричала девушка сквозь слезы.

– Столько нормальных баб вокруг, а у меня – тупая истеричка... – ворчал в ответ Игнат.

Их ни разу не кормили и даже не поили. Функцию туалета выполняло вонючее ведро в углу. Псарев колотил в дверь руками и ногами, требовал, чтобы им дали хоть кружку воды. Ответа не было. Сталкер злился все сильнее.

– Изверги, нелюди! – кричал он. – Яйца всем оторву!

Но за дверью все так же царила гробовая тишина.

Игнат бушевал, а Алиса сидела в дальнем углу камеры, прижав колени к подбородку. Злость в ее душе давно уступила место страху. Они попали в чужой мир, где царили свои законы и порядки. Им как пришельцам многое прощалось и сходило с рук. Но вечно так продолжаться не могло. Дикая сцена в церкви стала последней каплей, шагом за грань. Что ждало их дальше? Об этом не хотелось даже думать.

Так сидела она долго, все глубже погружаясь в бездну отчаяния. Вдруг послышался лязг ключа в замочной скважине, и на пороге показался неизменный глашатай Совета. Чайка не любила этого заносчивого типа, страдавшего манией величия. Но сейчас она была рада увидеть человека, олицетворявшего волю Совета. Его появление давало надежду на перемену к лучшему.

Пес глашатаю не обрадовался, процедил сквозь зубы:

– А, явился, губошлеп.

За спиной Валентина стояли сразу трое громил. Видимо, Сбруев всерьез опасался Игната.

– Приказ Совета, – заговорил глашатай своим обычным нудным голосом. – Сталкера Псарева и медсестру Чайку

освободить из карцера...

От радости Алиса взвизгнула и закружилась на одной ноге, Игнат тоже широко улыбнулся. Тесная, сырая камера за пять часов успела их страшно достать.

– И отправить со специальным заданием, – продолжил Валентин, никак не отреагировав на их бурную радость.

Девушка сразу сникла. Улыбка медленно сползла с лица Пса. Они переглянулись.

– С каким заданием? – переспросил сталкер. Он уже догадался, что они попали из огня да в полымя.

Но Сбруев не удостоил Игната ответом.

– Увести! – распорядился Валентин и исчез за ближайшей дверью.

Два мордоворота взяли сталкера под руки и повели к выходу из бункера. Еще один конвоировал Алису.

– Кажется, жопа только начинается, – услышала Чайка реплику мужа.

* * *

За долгие годы жизни в метро сталкер привык, что офицеры редко утруждают себя пояснениями к приказам. Надо – значит, надо. И точка. Ни сталкер Борис Молотов, с которым он работал до осени 2033 года, ни капитан Гаврилов, в чье распоряжение поступил Игнат после исчезновения Молотова, не тратили время, разъясняя подчиненным детали

какой-либо операции. Выполняй свои обязанности, а остальное – дело командира.

Но порядки в бункере «Кирпичного завода» превзошли все, с чем Пес сталкивался раньше. Им вообще ничего не объяснили. На вопросы отвечали односложно или вовсе не отвечали. Их вытолкали в помещение, где готовились к рейдам лесорубы и охотники. Дали теплую одежду и арбалет.

– Нас двое. Она че, глазками стрелять будет? – съязвил Игнат, поняв, что больше оружия им не дадут.

– А ей и не надо, – прогудел Лютый и сунул Алисе походную аптечку.

Кроме сталкера и его жены, здесь находились еще трое. Двое местных и боец Оккервиля по фамилии Свирский. Он ходил охотиться вместе с Игнатом. Псарев обрадовался, увидев знакомое лицо.

– Здорова, Пашка. А тебя за что? Тоже дебош устроил?

Свирский пожал плечами. Его репутация была безупречной. Павел вел аскетический образ жизни, брагу не пил, по барам и бабам не шлялся. Он вообще крайне редко что-то говорил. Приказом идти непонятно куда с неясной целью Свирский был крайне озадачен, но подчинился.

Чайка, увидев Павла, отреагировала странно. Она вздрогнула, закусила губу и спряталась за мужа, стараясь лишний раз не попадаться Свирскому на глаза. В других обстоятельствах Псарев обратил бы внимание на странное поведение жены, но сейчас ему было не до того.

К Павлу, Алисе и Игнату подошел парень лет двадцати восьми. Одет он был, как все, в шубу, шапку и валенки. Но, кроме арбалета, имел при себе еще ружье и кожаную планшетку. Псарев немного знал Захара. По фамилии – Жданов – его называло разве что начальство. Остальные обращались по имени. Было видно, что для него участие во всем этом – тоже сомнительная радость. Но Захар считался хорошим охотником, его часто ставили командиром рейдов. Доверили ему руководство и в этот раз.

– Я – ваш командир! – объявил Жданов, подойдя к оккерам. – Сейчас придет машина, и мы выдвигаемся.

– О, наконец-то хоть один адекватный человек! – обрадовался Игнат. – Растолкуй, Захар, че за хрень тут творится?

– Сейчас нельзя, лишние уши могут быть, – сухо отозвался тот. – Ваша задача, мужики, – стрелять во все подозрительное. Алисина – оказывать медицинскую помощь. Если понадобится.

– Я тоже стрелять умею, – подала голос Чайка, но командир никак не отреагировал.

– А думать – моя задача. – На этом командир закончил давать отряду ценные указания и отошел в сторону.

«Зазвездился Захар. – Игнат прожег спину парня недобрым взглядом. – Индюка из себя корчит. А ведь младше меня на четыре года...».

– Че, народ? Как в сказке? Иди туда, не знаю куда? – сталкер желчно сплюнул. Алиса нервно передернула плечами.

Павел промолчал.

Пятый член отряда ни с кем не общался, сидел в сторонке на скамейке, курил самокрутку.

– А это кто? – поинтересовался Игнат у Захара, когда тот снова подошел.

– Михалыч. Водитель, – отвечал командир.

– Водитель чего?

Псарев знал, что у общины имелась кое-какая техника: дрезина, пара автомобилей. Все это поддерживалось в рабочем состоянии.

Захар лишь усмехнулся. Ответ сам появился перед ними в вихре снега.

– Ого! – вырвалось из груди Алисы. Она раньше никогда не видела аэросани.

– Ух ты ж... – буркнул Пес. Он не доверял такому странному транспорту, хотя никогда в жизни на нем не ездил.

Даже Павел удивленно выдохнул, наблюдая, как останавливаются рядом аэросани. Пропеллер вращался все медленнее, пока совсем не остановился. Машина на полозьях, рассчитанная на пять человек, предстала перед ними во всем своем великолепии. Хранилась она в специальном подземном ангаре, откуда ее перегнал другой водитель.

– Выдвигаемся! – скомандовал Жданов.

Он сел впереди, рядом с Михалычем. Сталкер, его жена и Свирский расположились на заднем сиденье. Алиса села с краю, чтобы Игнат оказался между нею и Павлом. Псарев не

увидел в этом ничего странного.

Водитель закрыл единственную дверцу, запустил двигатель. Пропеллер за спиной Игната загудел. Вибрация передалась корпусу саней. Задребезжали стекла.

– Этот гроб на полозьях не сломается? – спросил Пес, стараясь перекрычать гул пропеллера. Ответа не последовало.

Аэросани тронулись. Сначала они ехали медленно, но скорость все возрастала. Промелькнули за бортом строения промзоны. Вот уже ворота, которые при их появлении распахнула охрана. И не прошло и пары минут, как группа выехала на просеку, ведущую в сторону Ладожского озера.

Только теперь Игнату стало ясно, куда направляется их машина. Он с неохотой признал, что для езды по рыхлому снегу аэросани подходили лучше, чем какая-либо другая техника. Сугробы, в которых неизбежно завяз бы любой автомобиль, они рассекали легко и изящно. И разваливаться пока не спешили.

– Эта колымага не так уж плоха... – проворчал сталкер, но никто не отреагировал на его замечание.

Командир кратко ввел отряд в курс дела. Их целью был залив Свирская губа на другом берегу Ладожского озера. Там, согласно показаниям пленного, находилась база дикарей. Требовалось установить, насколько силен и многочислен противник.

– Че? Свирская губа?! – Игнат не упустил возможности постебаться над странным названием залива. – Твоя губа,

Паш, хе-хе.

– То есть воевать с ними мы не должны? – уточнил Павел, не отреагировав на подколку Пса.

Его реплика позабавила Захара.

– Воевать? Впятером? Ну, ты шутник, Свирский. Нет, только разведка. И вот еще что. Туда до нас уже одну группу отправили. Серьезных ребят, с автоматами. Но они пропали. Если выясним, куда сгинули, хорошо.

– Самим бы не сгинуть, блин, – буркнул Игнат. После этого на долгое время все замолчали.

Алиса плохо себя чувствовала, ее знобило. Она то и дело прижималась к мужу, и тот ощущал, как она дрожит. Лицо Чайки покрыла нездоровая бледность, ее подташнивало. Павел, сколько его знал Игнат, никогда не слыл болтуном. Водитель был поглощен наблюдением за дорогой, а Захар обдумывал детали операции. Ответственность, возложенная на него Советом, стала сюрпризом для Жданова. Приятным или нет, он еще сам не понял.

Аэросани мчались по просеке. В этих краях не было ни одного обитаемого поселения. Даже в прежние времена, до глобальной катастрофы, на берегах Ладоги жило не так уж много людей, огромные пространства занимали леса и болота. Теперь все деревни и поселки давно поглотил смешанный сосново-березовый лес. Если бы не кропотливый труд лесников из Всеволожска, то чаща стала бы вовсе непроходимой.

В одном месте дорогу частично перегораживал свежий за-

вал: упали три сосны. Но лесорубы успели обнаружить помеху и оттащили деревья. Так что аэросани спокойно проехали дальше.

– А вдруг эти сосны специально свалили, чтоб нам помешать? – предположил сталкер вслух, надеясь, что его замечание выведет товарищей из полусна.

– Не-е. Точно нет, – отозвался Захар.

Игнат начал скучать. Он пару раз попытался подколоть командира, но безрезультатно. Алиса на вопросы, как она себя чувствует, бормотала: «Все нормально». К сплошной стене заснеженных деревьев за окнами саней Пес давно привык.

– Мы че, так и будем теперь всю жизнь ехать по этой просеке? – Игнат понимал, что несет вздор. Но в душу его начал вдруг закрадываться необъяснимый страх. Он не видел вокруг ничего подозрительного, но от этого беспокойство лишь усиливалось. Сталкер знал одно, но твердо: они – чужие в этом суровом, холодном мире, в котором не было больше места человеку. Угроза здесь могла исходить откуда угодно.

И тут лес кончился. Аэросани съехали с довольно крутого обрыва и помчались дальше. Краем глаза Псарев успел заметить на берегу странную конструкцию из двух полукруглых дуг. Наверное, раньше они соединялись посередине, но теперь торчали в разные стороны, а между ними зияла брешь¹.

– Это ж памятник какой-то военный, – вспомнил сталкер

¹ Мемориал «Разорванное кольцо» открыт на Вагановском спуске 29 октября 1966 года. Архитектор: В. Г. Филиппов. Скульптор: К. М. Симун.

спустя пару мгновений. – Точняк. Он не сломан. Так и должно быть. Ишь ты, как раньше строили. До сих пор стоит...

Монумент остался позади, аэросани въехали на обширную пустошь, простиравшуюся до горизонта. Ничего не было видно, кроме заснеженной равнины. Ни деревьев, ни холмов, ни зданий.

– Итить, да мы на Ладогe! – только тут Игнат понял, где оказался сейчас отряд.

– Пипец ты внимательный, – огрызнулся спереди Захар. Сталкер нахмурился. Поведение Жданова ему категорически не нравилось. Пес очень не любил, когда его поддевали.

Аэросани мчались по льду замерзшего озера все дальше и дальше. Алиса спала, убаюканная равномерным гулом мотора. Павел тоже клевал носом. Игнат думал о том, что с таким командиром толку от их экспедиции выйдет мало, в чем бы ни заключался ее смысл. Захар ломал голову над вопросом, как выполнить возложенную на отряд задачу.

А Михалыч уже несколько секунд с беспокойством вглядывался в темную точку вдалеке, к которой они стремительно приближались. Прямо перед санями водитель отчетливо увидел грузовик, провалившийся под лед. Скосив глаза на командира, Михалыч не увидел на лице того и тени удивления. Жданов равнодушно смотрел на ледяную пустыню, словно не видя другого автомобиля, попавшего в беду. Молчали и остальные.

– Захар, глянь! – Водитель решил, наконец, привлечь вни-

мание командира к тонущему грузовику.

– Че там? – Тот пригляделся и пожал плечами. – Ниче нет, расслабься.

Вместо этого Михалыч резко выключил двигатель. Аэросани по инерции проехали еще несколько метров и остановились.

– Че за хрень?! – закричал с заднего сиденья Псарев.

– Михалыч, ты че творишь? – напустился на водителя командир.

– Там машина тонет. – Тот не сводил глаз с грузовика, уже почти целиком погрузившегося под лед.

Захар схватил его за грудки и принялся трясти.

– Слышь, мудила, – рычал он. – Ты че там за самокрутку курил, а? Колись. Дурь употребляешь?

– Дык машина! Тонет! – твердил Михалыч.

Водитель никак не мог понять, как остальные могут не замечать то, что видит он. Если бы он увидел дракона или единорога, тут другой разговор. Тогда Михалыч сразу понял бы, что бредит. В грузовике, который ушел под лед, не было ничего диковинного. Бывает. Может, жители другого поселка ехали через озеро да угодили в полынью.

Игнат встал, приоткрыл люк и выглянул наружу. Ничего подозрительного. Сплошная снежная пустыня. Ни единого следа пребывания людей.

– Нет там ничего, – сказал сталкер, залезая обратно в кабину. – Чисто.

– Ах ты, сраный наркоман! – зарычал командир.

И замахнулся кулаком, но в последний момент вмешалась Алиса.

– Постой. – Она ловко перехватила занесенную руку, отвела удар. – Это похоже на галлюцинацию.

После этого Чайка ласково, тщательно подбирая слова, обратилась к Михалычу.

– Расскажи, что ты видел. Что за грузовик?

– Машина. Грузовик. Старый, как в кино², – затараторил водитель, обрадованный тем, что хоть кто-то встал на его сторону. – Под лед ушел. Немного вода пузырилась, потом успокоилась.

– Бред какой... Нет, он точно чокнулся, – застонал Захар.

Но на него уже никто не обращал внимания, все слушали рассказ Михалыча. Даже Павел проснулся и внимательно прислушивался к разговору.

– А из какого кино? – уточнила Алиса. Жданов покосился на девушку, как на сумасшедшую.

– Дык это, про войну. Про эту, как ее. Блокаду. – Водитель широко улыбнулся, радуясь, что вместо тумачков получил всеобщее внимание и интерес.

– Что ж, какая-то логика есть, – прокомментировала услышанное Чайка. – Михалыч тут самый старший. Он эти филь-

² Грузовой автомобиль ГАЗ-АА (полуторка), грузоподъемность 1500 кг. Выпускался в СССР с 1932 года. Грузовики данной модели работали на Дороге жизни в 1941–1943 годах.

мы смотрел уже взрослым человеком. А мы вряд ли вообще видели. Вот ему это и померещилось. А почему? Кто знает. Ментальное воздействие. Или тут газ какой-то выходит...

Глава 6

Заговор

События последних дней сильно встревожили полковника Бодрова. Анализируя все, что случилось в общине после выборов, Дмитрий Александрович приходил к неутешительному выводу: он потерял хватку, расслабился, перестал подозревать всех вокруг. Попад в бункер «Кирпичного завода», полковник решил, что пришло время заслуженного отдыха. Тут хватало специалистов по решению проблем. Но способны ли они договориться между собой?...

С каждым часом Бодров понимал все яснее: надо действовать. Чтобы спасти товарищей. Чтобы спасти себя.

Едва первые подозрения, что руководство общины темнит и ведет странную игру, закрались в голову полковника, как он тут же позвал к себе в кабинет Ивана Степановича Громова, друга и соратника, одного из самых опытных офицеров Оккервиля. Иван не до конца восстановился после травм, полученных в бою с веганцами и вырожденками, ходил с трудом, опираясь на палочку. Но голова у него работала отлично, а это сейчас было самым главным.

– Ты звал меня, Дим? – спросил Иван с порога.

Полковник жестом подозвал Громова к себе. Рядом с кроватью Бодрова стоял маленький столик. Там лежали лист бу-

маги и карандаш. Письменные принадлежности, как и патроны, были в дефиците. Но, в отличие от боеприпасов, расходовались не так активно. Выпросить у местных интендантов немного бумаги было куда проще, чем пяток патронов 7,62.

– Да. Проходи. Как здоровье, Вань? – говорил Дмитрий Александрович, а сам при этом быстро писал, с тревогой поглядывая на открытую дверь.

– Ну, так, по-всякому, – Громов пока не до конца понимал, что происходит, но дверь за собой закрыл.

– А ты сходи, проверься лишний раз, – сказал полковник в полный голос, а потом добавил шепотом: – Садись и читай.

Иван взглянул на текст, написанный Бодровым, и едва сдержал удивленный возглас.

– Твою ж дивизию! – вырвалось у него.

Полковник зашипел на товарища.

– Вот, видишь? Нервишки шалят, дружок, – произнес он с отеческой заботой. – Сходи к Жанне, пусть давление померяет. А то мало ли.

Тем временем Бодров вывел на листе: «Пиши ответ».

После этого полковник отдал гостю карандаш. Громов на мгновение задумался, стараясь сформулировать свои мысли как можно короче, и принялся быстро заполнять оставшуюся часть листа. При этом он громко рассуждал о своих болячках, травмах и приступах бессонницы, а Дмитрий Александрович сопровождал это сочувствующими вздохами.

Наконец, странный военный совет закончился. Иван по-

желал другу доброго здоровья и вышел, нарочно хромая сильнее обычного.

Если бы кто-то в это время стоял за дверью, то ничего бы не понял. Точнее, понял бы, что два немолодых мужика обсудили старые болячки. Подозрений подобный разговор вызвать не мог.

Он и не вызвал.

События между тем развивались стремительно. Уже спустя полчаса Громов встретился в баре «Сытый Сева» с Денисом Воеводиным. Иван сказал Дэну всего несколько коротких фраз. От каждой из них у того глаза лезли из орбит, но он сдерживался и молчал. В баре в это время было полно народу, стоял шум-гам, никто не расслышал, как один офицер-оккер шепнул другому:

– Пора действовать. С богом, Дэн.

После этого Воеводин пошел в жилой блок и постучался в дверь с номером одиннадцать. В тесном и душном помещении стояли в ряд пять двухъярусных кроватей. Здесь проводили свободное время девушки, служившие в общине охотниками. Всего десять человек. Охотницы уживались более-менее спокойно, лишь иногда ругались из-за вечно занятого туалета.

Когда Денис вошел в комнату, Диана лежала на втором ярусе кровати и с хмурым выражением лица изучала узор из отвалившейся с потолка штукатурки. Классическая ситуация. Дело было вечером, делать было нечего. Соседки ее

занимались своими делами. Кто-то спал, кто-то чистил ногти или штопал одежду. Другому мужчине не позволили бы так просто войти сюда, наверняка подняли бы визг. Не лезь, мол, в женскую общагу. Но Воеводина все знали, многие ходили с ним вместе на охоту, поэтому пустили без вопросов, даже обрадовались гостю.

– Привет, девчонки! – отозвался Денис на нестройный хор возгласов. Потом подошел к кровати, на которой лежала Диана, и громко, на всю комнату, сказал:

– Пошли ко мне, красавица.

А шепотом добавил:

– Срочно. Важно.

Охотницы хихикали и переглядывались. О таком кавалере, как сталкер Воеводин, они могли лишь мечтать. Мужчина он был видный. Сильный, здоровый, еще сравнительно молодой. В условиях острого дефицита мужчин – просто принц на белом коне.

Диана в первый момент подумала, что ослышалась. Или что Денис явился пьяный. Они были неплохо знакомы, вместе пришли в Севу в конце декабря прошлого года в составе первой партии переселенцев. Охотились вместе. Но никаких знаков внимания сталкер девушке раньше не оказывал и уж тем более не пытался затащить в койку. Однако вторая фраза, сказанная шепотом, делала ситуацию чуть более понятной. Воеводин явно что-то скрывал от посторонних.

– Окей, красавчик, пошли! – ответила охотница с похот-

ливой усмешкой. Спрыгнула вниз, накинула куртку, сунула босые ноги в сапоги. И они в обнимку, весело смеясь, покинули спальню.

– Повезло Дианке, – шептались им вслед. – Такого мужика охмурила...

Денис и Диана скрылись за дверью комнаты, которую сталкер Воеводин получил на правах офицера. Но в постель они не легли, даже раздеваться не стали. Едва закрылась дверь, как улыбка сошла с лица Дэна. Он усадил девушку на кровать, сам присел напротив на табурет.

– Скоро тут начнется резня. Революция, блин.

Слова эти были столь неожиданными и страшными, что Диана просто отказывалась верить. А сталкер продолжал:

– Всех деталей мы не знаем. Но одно точно: в руководстве зреет раскол. Из-за этих, мать их, выборов. Кто-то из кандидатов шибко недоволен результатами. Не исключена вероятность переворота. А значит, резня. Мы тоже можем под раздачу попасть.

– Что ты несешь?! – зашипела в ответ девушка. – Дэн, ты пьян? Кто нас будет резать?

– Да кто угодно, Ди, – отвечал собеседник так серьезно и угрюмо, что не могло быть и речи о шутке. – Есть такая хрень. Эффект, мать ее, толпы. Все побежали – и я побежал. Когда льется большая кровь, не разбирают...

– Бред! – фыркнула охотница. Она не желала верить, что слова Дениса – правда. Но в глубине души девушка понима-

ла: все это похоже на реальность. Она и сама слышала, как местные открыто выражают недовольство появлением оккеров. Явились, мол, нахлебники, а Звягинцев их на особое довольствие поставил. В ущерб коренному населению.

– Что же делать, Дэн?

Диана не видела выхода из ситуации. Возвращаться назад, в охваченное войной метро? Едва ли это было разумно. Искать другой дом? Но большинство поселений в области или вымерли, или жили впроголодь. Приютить оккеров смог только Всеволожск.

– Спокуха. Полковник – голова, он кое-че придумал. Слушай внимательно, не перебивай.

И Денис придвинулся совсем близко...

На следующее утро бункер покинула небольшая группа охотников. Командовал отрядом Воеводин. В состав входили Диана Невская и еще трое оккеров. Обычная охота. Группа должна была пройти по лесу около двух километров и вернуться по просеке. Охотников ждали назад к двум часа дня.

Но ни в два, ни в три группа Воеводина не вернулась. К вечернему отбою, когда охрана запирала ворота на двойные засовы, охотники тоже не объявились. Не вернулись и вторые аэросани.

Видя, что ситуация в общине выходит из-под контроля, Роман Анатольевич ввел в бункере режим чрезвычайного положения, запретил все выходы в лес и усилил посты на периметре.

Дмитрий Александрович понимал, что отряд Воеводина может вернуться ни с чем. Или вообще не вернуться. Поэтому за сутки, прошедшие с момента военного совета, он организовал оповещение среди оккеров, чтобы все были на чеку и готовы, если надо, защитить себя. О своей личной безопасности полковник тоже позаботился. Он понимал – стихийное недовольство граждан может перейти в открытое военное выступление против правительства, если появится вождь, которому поверят...

Самым уязвимым моментом Бодров считал часы сна. Когда Дмитрий Александрович бодрствовал, подобраться к нему было непростой задачей. Оружия при себе полковник не имел, но он мог убить нападающего хоть стулом, хоть голыми руками. Другое дело – сон. Совсем не спать не получится, Бодров понимал это. Кто-то должен находиться рядом и бодрствовать, пока он сам спит. Проблему Дмитрий Александрович решил просто и изящно.

Среди оккеров одиноких женщин имелось в избытке. Полковник выбрал Ксюшу Маркову, тихую, покладистую барышню лет двадцати, привел ее в свою комнату и кратко изложил суть их «брачного договора».

– Для любовных утех, милая, я уже стар, – сказал он с усмешкой. – Годы не те, сосуды не те. Да и не нужно оно мне. Твоя задача проста. Будь рядом. Пока я бодрствую – спи, сколько хочешь. Но когда сплю – будь на чеку. Вопросы есть?

Ксюша отрицательно помотала головой. Девушкой она

была сообразительной. И сильной. Полковник попросил Маркову продемонстрировать несколько боевых приемов, в том числе удушающих, захватов, бросков и так далее. Ксюша справилась с проверкой блестяще. С таким охранником Бодров мог ничего не бояться. Надежнее, конечно, было бы поселить вместе с собой телохранителя-мужчину. Но это вызвало бы лишние подозрения. А девушка – вариант понятный.

– А полковник-то красавица, – шептались в баре «Сытый Сева». – Уже старик, а все с девками зажигает.

Эти слухи были Дмитрию Александровичу на руку. Ксюша Маркова жила с ним в одной комнате, спала рядом, свернувшись калачиком. Иногда пела полковнику песни или рассказывала истории из жизни. Тот с интересом слушал. Время от времени отправлял Ксюшу на разведку.

Полковник не спешил. Он ждал момента, чтобы начать действовать.

Иван Громов пришел в гости к Жанне Негоде в тот редкий момент, когда она сама сидела дома с детьми. Жанна с матерью, Светланой Сергеевной, и детьми жила в так называемом семейном блоке. Это была обычная комната, только разделенная перегородками. Этакая коммунальная квартира на две-три семьи. Шум и гам тут стоял невероятный, но медсестра за долгие годы привыкла к тесноте и неприятным запахам.

Последнее время Жанну постоянно дергали то на дежур-

ство, то на операцию. Времени на сыновей у женщины почти не оставалось. И все же иногда ей удавалось вырваться из медпункта к любимым мальчикам. Тогда получала короткую передышку Светлана Сергеевна, тоже много лет назад похоронившая мужа, взявшая заботу о воспитании внуков на себя. С годами делать это становилось все сложнее...

Гриша и Боря росли не только без отца, но и без матери. Жанна понимала, что это неправильно, ненормально. Но сделать ничего не могла. Работа отнимала все силы. Уводить из семьи чужого мужа ей мешала порядочность, а свободных кавалеров в общине почти и не было. Оставалось тянуть все на себе и надеяться на чудо.

И вот на пороге ее комнаты появился, опираясь на палочку, настоящий боевой офицер – в кожаной куртке, в пилотке.

Об Иване Степановиче ходили разные слухи. Говорили, что он обошел все метро, служил в разных армиях, прошел через несколько локальных подземных войн. На вид Громов был не слишком привлекателен, особенно когда одевался в гражданскую одежду. Непропорционально большая голова и узкие плечи делали Ивана немного забавным. Но все преобладало, стоило ему надеть военную форму. Куда-то сразу исчезали нескладность и заурядность. Громов представлял настоящим воином, матерым волком, прошедшим сквозь ад.

Жанна была знакома с Иваном давно. Она лечила его и лучше многих знала, что в теле этого побитого жизнью мужчины на самом деле заключались огромная сила и несгибае-

мая воля. Тот всегда был с медсестрой очень вежлив, даже нежен. Интересовался здоровьем матери и сыновей, приносил подарки из офицерского пайка. Смотрел ей вслед с теплой улыбкой. Но женщине и в голову не приходило представить его в качестве мужа, все-таки он был уже пожилым человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.